

К утру дождь прекратился, и Дуань Лин с множеством мыслей в голове провел ночь в полубессознательном состоянии, каким-то образом умудрившись спокойно и мирно дожить до рассвета.

Все, что произошло накануне, казалось ему не более чем жизнью, проведенной в долгом сне, и теперь он начал задумываться о том, как обеспечить свою безопасность впредь. Лан Цзюнься был одним из четырех великих убийц, то есть рядом с ним всегда должен находиться мастер боевых искусств уровня У Ду, Чан Люцзюня или выше. Пусть и не на расстоянии вытянутой руки, но хотя бы в поле зрения.

А как быть, когда он на уроках? В голове Дуань Лина быстро пронеслись все возможные варианты развития событий. Лан Цзюнься, скорее всего, не станет действовать днем: проникнуть в поместье канцлера среди бела дня — слишком сложная задача. Ночью он будет в целости и сохранности, пока находится с У Ду. А днем он должен, как и прежде, заниматься с Му Цином? Возможно, это будет немного рискованно, но жизнь всегда несет определенные риски.

После завтрака У Ду достал новую деревянную коробку и направился к двери. Дуань Лин поспешил за ним.

У Ду безмолвно оглянул его с ног до головы и понял, что его все еще тревожило то, что произошло вчера вечером.

— Куда ты идешь? Я пойду с тобой.

Дуань Лин взял у него деревянную шкатулку, обхватил ее обеими руками и выжидающе посмотрел на него.

У Ду пришлось повести его за собой, и его мысли блуждали, пока они шли к поместью канцлера. Вскоре он тихо сказал Дуань Лину:

— Ты ведь слышал все, что сказал вчера вечером Улохоу Му?

Прошлой ночью Дуань Лин был полностью занят своими мыслями и не обращал внимания на слова Лан Цзюнься, но теперь, когда он задумался об этом, ему вдруг пришло в голову, что что-то не так.

— Он сказал, что на улице остановилась карета из поместья канцлера, — нахмурившись, произнес Дуань Лин.

— Если канцлер Му позже поднимет эту тему, ты не должен ничего говорить. Лучше я объясню.

Му Куанда завтракал и, словно зная, что У Ду придет, первым делом попросил слуг подать им с Дуань Лином по чашке чая, а Чан Люцзюнь сидел неподалеку и полировал свой меч.

У Ду взял шкатулку и, открыв, поставил ее перед Му Куандой. Внутри было девять отделений, расположенных в виде решетки три на три, и в каждом из них находились разного вида лекарственные ингредиенты. Затем он развернул лист желтой бумаги и тоже положил его перед Му Куандой.

— Господин канцлер, в формуле, которую вы дали мне раньше, использовались несовместимые ингредиенты «холода» и «жара», и их сочетание было причудливым. Любой обычный врач без труда понял бы, что это яд, и привлек бы ненужное внимание. Я трижды пересмотрел формулу, заменив семь ингредиентов на четыре, а затем добавил еще два, которые обычно используются в пищевых добавках, чтобы создать это средство. Я назвал его — «Суп из девяти душ».

— Очень хорошо.

Му Куанда спросил:

— Что он делает?

— С виду он предназначен для избавления от частых снов и восполнения недостатка энергии ян, а также полезен для здоровья в целом. После его приема пациент будет видеть меньше снов. Однако в течение дня он постепенно вызовет нестабильность в сердечном меридиане. Эффект будет заметен уже после трех приемов. Пациент будет постоянно испытывать тревогу, его будут мучить переживания, и в итоге это нанесет ущерб его способности ясно мыслить на долгие годы.

— Если же он в свою очередь будет принимать лекарственные отвары для успокоения ума или добавки для сердца, то вместо помощи это вызовет сонливость, в результате чего пациент будет постоянно хотеть спать. А если продолжать в том же духе, то это постепенно приведет к нарушению работы сердечного меридиана. Если пытаться принимать препараты, содержащие ингредиенты, способствующие «большому жару» или «большой сухости», такие как женьшень и цистанхе*, организм начнет давать сбой уже после первой дозы. Еще несколько их приемов — и начнется кровотечение из глаз, ушей, носа и рта, что приведет к смерти.

* Цистанхе - растение-паразит, растущее на корнях других растений. Используется в китайской традиционной медицине как тонизирующее средство.

— Очень хорошо.

Му Куанда был более чем доволен.

— А противоядие есть?

— Настойка ледяного шелкового червя и экстракт снежной змеи. Из этих двух вещей можно сделать противоядие. Шаги по его изготовлению написаны на обратной стороне листа*.

* Ингредиенты, упомянутые до «ледяного шелкового червя» и «снежной змеи», — настоящие. Червь и змея — вымышленные, хотя и не новые для уся.

Му Куанда несколько раз перечитал формулу, в его глазах читалась нотка одобрения. Он медленно кивнул.

— Ты действительно оправдываешь свою репутацию.

У Ду ничего не сказал и допил чай.

Му Куанда продолжил:

— Прошлой ночью дул сильный ветер и шел бурный ливень. Вы хорошо спали?

Дуань Лин слушал между строк и понял, что Му Куанда, должно быть, уже знает. И Лан Цзюнься догадался, что Му Куанда знает, У Ду тоже полагал, что Му Куанда знает, только сам Му Куанда был не в курсе, что они знали, что он знает...

Все эти перипетии не давали покоя мозгу, но, к счастью, Лан Цзюнься напомнил им об этом, и теперь они перешли от пассивной позиции к той, где можно проявить инициативу. Хотя хорошо это или плохо — вопрос спорный.

Чан Люцзюнь с улыбкой наблюдал за Дуань Лином. Он еще не отошел от своих мыслей и подумал, что тот, скорее всего, просто снова радовался неудаче У Ду.

— Вчера вечером я ходил в Цветочный павильон, — небрежно бросил У Ду, — взял с собой мелкого, чтобы расширить его кругозор.

— О?

Но Му Куанда уже улыбнулся.

— Ну, вам, наверное, понравилось.

Дуань Лин с опаской вспомнил, что говорил им Лан Цзюнься: Если Му Куанда поднимет эту тему, просто скажите ему правду. И тут же в его голове промелькнуло несколько идей, и все стало ясно. Лан Цзюнься был очень умен: таким образом он полностью передал инициативу в руки У Ду. Фальшивый наследный принц хочет привлечь У Ду на свою сторону, но У Ду

находится во вражеском лагере. Поэтому он может сначала продать эту информацию Му Куанде в обмен на его доверие, а потом затаиться. На словах он будет доверенным лицом Му Куанды, но на деле окажется на стороне наследного принца и Лан Цзюнься, став двойным агентом, что гораздо выгоднее.

Разумеется, такой вариант подходил только У Ду — ведь он верен своим чувствам.

— Нам не очень понравилось, — ответил У Ду. — В прошлом много чего произошло, и после некоторых размышлений я думаю, что должен объясниться перед вами, господин канцлер.

Му Куанда на мгновение замолчал, а затем кивнул. Умные люди точно знают, когда нужно говорить, а когда остановиться. Очевидно, что ему не требовалось говорить больше.

— Господин канцлер, я никогда не смогу забыть проявленную вами доброту, когда вы попросили пощады от моего имени, — наконец произнес У Ду. — Если нет других вопросов, то прошу меня извинить.

Но Му Куанда ответил.

— Пожалуйста, подожди.

У Ду собирался встать, но Му Куанда бросил взгляд на Чан Люцзюня, и тот достал письмо.

— Возможно, мне придется попросить тебя сделать для меня еще кое-что, — продолжил Му Куанда, — сначала взгляни на это письмо.

Дуань Лин хотел посмотреть, но не решался, хотя ему было очень любопытно.

Му Куанда развернулся к нему.

— Ван Шань, раз ты каждый день проводишь время рядом с молодым господином, то даже если ты и не стал одним из моих помощников, твое положение не так уж далеко от их. Не нужно вести себя так, будто наступаешь на яичную скорлупу. Молодой человек должен говорить то, что ему положено, и не вести себя сильно старше своих лет.

Дуань Лин знал, что Му Куанда явно относился к нему как к своему, потому что У Ду заявил о своей позиции. Он поспешил почтительно ответить:

— Да.

У Ду открыл письмо и обнаружил в нем армейскую сводку. В письме не было ни адреса, ни

подписи; в нем содержались сведения о военных расходах, оружии, хранящемся в резерве, планах подготовки на зиму, а также отчет об использовании четырнадцати тысяч восьмисот таэлей серебра для покупки ферганских* боевых коней у Силян.

* Эти кони обладали огромной мощностью и выносливостью, а так же «потели кровью», что для китайцев стало признаком их божественного происхождения. Они считали их «небесными конями», на которых можно доскакать до «страны бессмертия». Особенно жаждал получить небесных коней китайский император У-ди, искавший способ стать бессмертным. «Небесные кони» стали объектом поклонения в Китае, даже поэты слагали о них оды. Однако секрет необычайности аргамаков и их свойство «потеть кровью» заключалось в том, что их кожу поедали паразиты, что и вызывало столь необычный эффект.

— Можешь сказать, чей это почерк? — спросил Му Куанда.

— Это почерк Бянь Линбая, — сказал У Ду. — Генерал, расквартированный в Тунгуань. Уполномоченный по умиротворению Гуаньси*.

* Гуаньси означает «районы к западу от ворот/перевалов», или районы к западу от Тунгуань, вдоль западной границы.

— Верно.

Дуань Лин не знал, кто это, поэтому ничего не сказал. Почему Му Куанда вдруг показал У Ду письмо? Он хочет послать его убить кого-то?

— Бянь Линбай прослужил в армии тринадцать лет, — сказал Му Куанда. — Он начал свою карьеру в Шаньдуне*, и у него было более двадцати военных схваток с Ляо, как больших, так и малых, с неоднозначным послужным списком побед и поражений. Когда Елюи захватили Шанцзы, Бянь Линбай неожиданно напал на тыловое формирование армии киданей и был награжден за службу. После переноса столицы в Сычуань его назначили главнокомандующим шаньдунской армии. Семь лет назад он объединился с генералом «тигра»* Хань Бинем и выступил против покойного императора у горы Цзянцзюнь, чтобы захватить военную власть.

* В оригинальном тексте использовалось слово Гуаньдун, что означает «к востоку от ворот», то есть главных ворот вдоль Великой стены, таких как Юйбигуань. Но поскольку это неважное место, которое нельзя найти на карте, в переводе оно было заменено на Шаньдун, поскольку именно этот район имеется в виду.

* Именно так Чжао Юня прозвали под руководством Лю Бэя. Исторически сложилось так, что в эпоху троецарствия было три генерала тигра.

— Убить его? — небрежно произнес У Ду.

Му Куанда ничего не сказал и сделал еще один глоток чая. Солнечный свет проникал сквозь оконные стекла у него за спиной.

— Если покойный император не потрудился наказать тех, кто находился под командованием Чжао Куя, — произнес Му Куанда, — то я не могу позволить себе сделать то же самое. Этот человек уже давно вступил в сговор с Силян — покупал лошадей, усиливал войска, увеличивал численность армии без прямого разрешения. Доказательство тому — письмо в твоей руке. Это запись о том, как он тайно накапливал вооружение и присваивал военные средства, чтобы покупать боевых коней у тангутов.

— Если мы не покончим с ним сейчас, то через некоторое время он может стать проблемой для центрального правительства, и его будет трудно контролировать.

Когда речь шла о жизни, Му Куанда всегда проявлял исключительную осторожность.

— Я понял. Отправлюсь туда в ближайшие дни.

Дуань Лин подумал, что это нехорошо. Если ты уедешь, что же мне делать?

Му Куанда произнес:

— Помимо его убийства ты должен собрать доказательства того, что он пытается добиться независимости.

У Ду слегка нахмурил брови и не ответил.

— У Ду, — сказал Му Куанда. — Убийство — не единственное, что ты умеешь делать.

Он встал и подошел к веранде. Мягкий летний ветерок проносился мимо, заставляя ветряные колокольчики издавать легкий звон.

У Ду ответил:

— Я однажды встречался с Бянь Линбаем. Он очень амбициозный человек. Я разделяю, по крайней мере, часть вины за смерть генерала Чжао; он не станет вести со мной приятную беседу — скорее всего, он набросится на меня с мечом, прежде чем мы успеем сесть.

— Ты ведь умеешь маскироваться? — неожиданно вмешался Чан Люцзюнь.

— Маскировка хороша только для того, чтобы затаиться. Если я хочу собрать доказательства того, что он вступил в сговор с тангутами и стремится к независимости, то мне придется с ним

поговорить. Речь, манеры — их трудно долго подделывать.

Му Куанда погрузился в задумчивое молчание.

— Есть и другой способ, — произнес У Ду. — Я могу арестовать его, допросить во всех подробностях, а затем передать его вам, господин канцлер. Окажутся ли его показания признанием под принуждением или правдой — это не мое дело.

— Так не пойдет.

Му Куанда медленно покачал головой.

— Его Величество пощадит жизнь этого человека, это точно. Даже если у нас будут неопровержимые доказательства, максимум, его сошлют на отдаленный армейский пост, оставив возможность вернуться. Я хочу, чтобы он умер под Тунгуань, не поднимая шума, а не был убит с большим размахом, что дало бы его армии шанс взбунтоваться.

— А что, если я пойду? — неожиданно сказал Дуань Лин.

В комнате сразу стало тихо. Дуань Лин понимал, что его слова совершенно абсурдны, но у него не было другого выхода. Как только У Ду уедет, его собственная ничтожная жизнь превратится в кусок мяса на разделочной доске, и Лан Цзюнься сможет нарезать его как угодно.

— Ты? — У Ду звучал так, будто он только что услышал самую сказочную историю в мире, и ответил Дуань Лину. — Я еду туда, чтобы убивать!

Му Куанда, однако, выглядел весьма удивленным. Он бросил взгляд на Дуань Лина и сказал:

— Воистину, ты не перестаешь удивлять. Пускай говорит. Посмотрим, что он предложит.

— Хм... Пока что у меня нет никаких конкретных идей. Сначала мне нужно туда добраться. Это ведь за пределами Тунгуань, верно? Если У Ду притворится, что он часть моего... домохозяйства? Может быть, генерал Бянь не заподозрит, если я сам приближусь к нему?

Му Куанда снова замолчал. Между бровями У Ду появилась складка, и он уже собирался заговорить, чтобы остановить Дуань Лина, но тут заметил, что тот умоляюще смотрел на него.

— Это осуществимо.

После напоминания Дуань Лина Му Куанда, похоже, кое-что понял.

— В прошлом году Бянь Линбай был переведен обратно в Тунгуань с горы Цзянцзюнь, а сейчас приближается годовщина смерти Чжао Куя. Под каким именем можно его увидеть?

Говоря, Му Куанда повернулся к Дуань Лину, который под его взглядом испытывал некоторый страх, опасаясь, что в какой-то момент у него случится озарение, и он заметит в его чертах какой-то намек и что-то заподозрит. Но сейчас у него не было другого выхода, кроме как пойти на эту авантюру, зная, что Му Куанда разглядывает его только потому, что пытается придумать подходящую личность.

— Ты не можешь быть сыном Чжао Куя, — пробормотал про себя Му Куанда.

— У Чжао Куя было три сына и одна дочь, и все они были обезглавлены. Как насчет приемного сына? У Ду, что ты думаешь? Сможем ли мы добиться желаемого, подстрекая его к измене?

Спровоцировать его на измену — действительно очень умный ход.

— Но как мы объясним, почему туда отправляется У Ду? — спросил Дуань Лин.

— С этим проблем не будет. Все, что мне нужно сделать, это написать письмо, в котором поручить У Ду расследовать местонахождение меча царства Чжэньшаньхэ. А У Ду тем временем воспользуется случаем и встретится с Бянь Линбаем. Это все, что нужно, чтобы он поверил.

У Ду заговорил:

— У Чжао Куя есть племянник по имени Чжао Жун, его отец, Чжао Пу, был заместителем капитана береговой охраны под юрисдикцией Шаньдуна. Четыре года назад Чжао Пу был убит стрелой во время нападения пиратов*, а Чжао Жун попал в плен и утонул. Но об этом мало кто знает, ведь Чжао Куй был единственным, кто получил известие о смерти племянника, поэтому мы можем связаться с Бянь Линбаем под этим именем.

* Китайское слово «вокоу» часто переводилось как «японские пираты», а само слово буквально означало «карликовые пираты», но этническая принадлежность этих пиратов менялась с течением времени. В принципе, можно считать, что слово «вокоу» — это просто «пират», точно так же, как «тайфун» — это просто слово для обозначения ураганов, когда они происходят в Тихом/Индийском океане.

— Это сработает, — сказал Му Куанда. — Давайте я еще немного подумаю и попробую найти способ, который позволит достичь всех наших целей одним махом. Пока что отправляйтесь домой и ждите, пока я все подготовлю.

Они вернулись во внутренний двор дома.

— Ты думал, мы отправляемся на развлекательную экскурсию? — сказал ему У Ду, нахмурившись.

— Я хочу остаться с тобой, — ответил Дуань Лин. — Если не с тобой, то я никуда не поеду.

Одно предложение, и Дуань Лин лишил У Ду дара речи. В следующий момент он прикрыл лоб рукой, а другой помахал, не говоря ни слова, и направился внутрь.

Дуань Лин смотрел в спину У Ду с любопытством на лице. Тот уже не знал, что ему ответить.

— Разве ты не хочешь добиться успеха?

У Ду выглядел ошарашенным.

— У тебя есть такая хорошая возможность стать напарником молодого господина, а ты вместо того, чтобы дорожить ею, решил сбежать в Тунгуань в такое время. Чего ты пытаешься добиться?

— Я... Это один из способов добиться высот.

У Ду не покидало ощущение, что Дуань Лин что-то от него скрывает, и сейчас, сидя в комнате, он рассматривал его с озадаченным видом, словно под поверхностью скрывалось что-то необычное, едва различимое, как будто на пути лежал слой ткани.

— Что же ты от меня скрываешь? — спросил У Ду.

Все это время у него было ощущение, что что-то не так, но он никак не мог понять, что именно. Сейчас он был ближе всего к истине.

В этот самый момент Дуань Лин испытал внезапный порыв рассказать обо всем и чуть было не произнес.

— Я хочу найти своего отца.

В конце концов, Дуань Лин оправдался именно этим.

У Ду все понял. Напряженная морщина между его бровями немного разгладилась, и он кивнул ему.

— Последний раз я видел его за пределами Тунгуань. И хотя я не думаю, что смогу его больше найти... я все равно хочу хотя бы попытаться.

— Тогда, когда мы уедем, ты должен слушаться меня. Ты не можешь действовать самостоятельно.

Дуань Лин кивнул, соглашаясь, и это, казалось, успокоило У Ду. Он сказал Дуань Лину:

— Собирайся в дорогу.

Дуань Лин начал собирать их скромный багаж, думая про себя, что он снова увернулся от стрелы. Как только он уедет отсюда, так сразу же станет понятным буквальный смысл поговорки: «небо высоко, а император далеко»*; как бы Лан Цзюнься ни хотел его убить, он не сможет его найти. Что же касается того, что произойдет, когда он вернется, то об этом можно побеспокоиться и позже.

* Небо высоко, а император далеко — распространенная поговорка, означающая, что вдали от центрального правительства местные магистраты могут делать все, что им заблагорассудится.

А У Ду все смотрел на Дуань Лина, не сводя с него глаз. Внезапно он произнес:

— Но что бы ты ни отыскал, ты не должен пытаться снова себя убить, понял?

Дуань Лин обернулся и улыбнулся ему.

— Я больше не стану этого делать. Если ты будешь рядом, я точно останусь в живых.

Под присмотром Дуань Лина в саду внутреннего двора дома распустилось множество великолепных цветов, а пейзаж стал красочным, словно картина; образ молодого человека, поворачивающегося с улыбкой на лице, ни с того ни с сего поразил У Ду без всякой на то причины.

Во второй половине дня пришли новые подарки. На этот раз это была дорожная одежда из первоклассной ткани, а также деньги, которые понадобятся им в пути; был даже кинжал для Дуань Лина для самообороны.

Когда наступила ночь, У Ду и Дуань Лин спланировали свой маршрут. Дуань Лин впервые официально отправлялся в дальнейшее путешествие, поэтому был очень взволнован.

— Убедись, что не будешь много болтать, пока мы будем в отъезде. Если все пройдет гладко, я замаскируюсь под твоего слугу. Молодому господину не обязательно все делать самому.

Дуань Лин только кивал, а в конце спросил:

— Что такое Чжэньшаньхэ?

На этот вопрос он явно знал ответ: как только он услышал, что меч царства пропал, он понял, что меч пропал с того самого дня, как пал Шанцзин. Если они смогут вернуть Чжэньшаньхэ, значит ли это, что они смогут управлять четырьмя убийцами?

— Оружие, которое стабилизирует империю. Наследный принц тоже ищет его.

— Оно хранится у Бянь Линбая? — спросил Дуань Лин.

— Не обязательно. Но он был среди последних подкреплений, прибывших в Шанцзин.

Дуань Лин подозревал, что, скорее всего, он попал в руки монголов или киданей, но поскольку его местонахождение неизвестно, они могут попробовать найти меч, пока будут там.

Вечером они еще некоторое время беседовали, а когда собрались лечь спать, Му Куанда созвал их на совещание. Когда они пришли в кабинет, это, как и прежде, была закрытая встреча, и Му Куанда дал им задание.

— Чан Пин сейчас в Цзянчжоу, поэтому уже поздно просить его о плане. Я придумал кое-что, но не уверен, что это целесообразно; обычно именно ему приходят в голову подобные идеи. Мы обсудим это вместе, и если что-то покажется вам неправильным, можете сказать мне.

Затем Му Куанда объяснил Дуань Лину и У Ду, что общий план состоит в том, чтобы сначала завоевать доверие Бянь Линбая, выдав Дуань Лина за племянника Чжао Куя. Он выразит желание собрать бывших подчиненных Чжао Куя, захватить территорию и стать местным царьком, чтобы отомстить за своего дядю. Таким образом, У Ду не придется маскироваться, и вероятность того, что его раскусят, будет меньше.

Что касалось Дуань Лина, то его задача — сначала завоевать доверие Бянь Линбая, а затем выведать информацию и попытаться найти способ выкрасть переписку между Бянь Линбаем и Силян. С одной стороны, письма могут послужить доказательством, которое они смогут предъявить императору после убийства Бянь Линбая, а с другой — Му Куанде необходимо знать, что планирует Бянь Линбай.

В конце концов, между племенем тангутов и империей Чэнь есть множество полезных связей. Когда-то Силян была независимым государством, затем была аннексирована Ляо, и ее верность всегда колебалась между Ляо и Чэнь. Если все пойдет по плану, Му Куанда намерен найти способ заручиться поддержкой Силян.

С тех пор как Хэлянь Бо и его мать вернулись на родину, их правительство разделилось на две

фракции: одна выступала за выход семьи Хэлянь из-под контроля Ляо и обретение независимости, другая считала, что им лучше повременить.

От всего этого у Дуань Лина разболелась голова. Он рекомендовал себя*, чтобы выжить, но теперь, когда он задумался об этом, ему придется установить связь с генералом, которого он никогда не видел, да еще и на уровне главнокомандующего — обмануть его будет нелегко. Хотя в поместье Му его не узнали, ему никогда не приходилось объяснять свое происхождение перед Му Куандой, и созданная им личность была довольно скудной. Перед Бянь Линбаем ему придется выдумывать целую кучу лжи. То, что он делал до сих пор, не сравнится с тем, что ему предстоит повернуть в этой поездке.

* Идиома, означающая рекомендацию себя на работу, звучит так: «Мао Суй рекомендует самого себя». В эпоху Сражающихся царств (戰國 Zhànguó Shídài) жил человек по имени Мао Суй. Он напросился сопровождать своего хозяина-посла в царство Чу, где выдвинулся на дипломатическую работу, тем самым оказал большую услугу своему княжеству и спас его от неминуемой гибели. Данная идиома используется, когда описывается человек, который самостоятельно вызывается для выполнения кокой-либо работы, то есть предлагает свои услуги. А также, когда кто-то предлагает свои услуги, чтобы зарекомендовать себя.

— Я просто беспокоюсь, что не смогу завоевать его доверие и все пойдет наперекосяк, — сказал Дуань Лин.

— Это неважно.

Му Куанда улыбнулся, выглядя при этом как хитрый старый лис.

— У нас есть кое-что в обмен, что не оставит ему другого выбора, кроме как встретиться с тобой.

Говоря, он протянул крошечную деревянную коробочку. Открыв ее, Дуань Лин обнаружил свернутый шелковый гобелен, пожелтевший от старости, с рисунками гор, рек и местности.

Дуань Лин изумленно посмотрел на него.

Му Куанда сказал:

— Это карта сокровищ, взятая из хранилища Чжао Куя, когда его имущество было конфисковано правительством.

Дуань Лин с открытым ртом уставился на карту сокровищ. Она была тонкой, как крыло цикады, и отчетливо была видна каждая черточка.

— Бянь Линбай давно мечтал о ней, но после конфискации имущества Чжао Куя так и не смог

ее найти; даже сам Его Величество не знает о ее местонахождении. Я давно предвидел необходимость в этом плане и поэтому припрятал ее. А еще у меня есть письмо, написанное почерком Чжао Куя якобы перед его смертью, которое вы можете взять с собой.

Дуань Лин внимательно рассмотрел карту сокровищ.

— Что здесь спрятано?

— Золото, серебро, драгоценности — денег достаточно, чтобы сравниться с императорской сокровищницей.

Му Куанда пил свой чай без малейших признаков нервозности.

— Предположительно, Чжао Куй, планируя переворот, предусмотрел все возможные варианты, и если бы переворот не удался, он бы раскопал сокровища и сбежал, нашел бы какое-нибудь маленькое местечко в Сиюй, где смог бы содержать частную армию в сто тысяч человек или около того, и стал бы правителем небольшого государства. Это было бы приемлемым источником средств к существованию.

У Дуань Лина больше не было никаких сомнений, и он убрал карту сокровищ. Му Куанда еще раз предупредил его:

— Разумеется, Бянь Линбай не будет тебе доверять. Да и с помощью одного лишь себя ты не сможешь разведать его тайны: он очень честолюбив. Однако в таких условиях тебе не составит труда проникнуть в его армию вместе с У Ду.

В одно мгновение Дуань Лин понял его намерения: ни его личность, ни карта сокровищ не имеют никакого значения. Все, что ему нужно сделать, — это выиграть время для У Ду.

— Я понимаю. Я точно не подведу.

Удовлетворенный, Му Куанда кивнул.

— Тогда, У Ду, тебе придется выступить в роли нашего благородного разбойника.

— Я понял, — ответил У Ду.

— Сначала выкради секретную информацию. Если предоставится возможность, укради и бухгалтерские книги, и письма. Что касается ценности каждой части информации, то вы двое должны сами решать, что брать, а что не трогать. Избавьтесь от него до отъезда. Только когда у нас будут доказательства, мы сможем договориться с Силян о переговорах. Бянь Линбай всегда хотел выступить против центрального правительства, а после смерти Чжао Куя никто не

сможет его сдержать. Чем дольше мы позволяем ему жить, тем больше проблем может возникнуть. Мы должны решить эту проблему как можно скорее.

У Ду кивнул, понимая, что, как только он закончит эту работу, Му Куанда точно не будет относиться к нему безразлично, и это как раз соответствовало тому способу «продвижения», о котором говорил Дуань Лин. Но добиться успеха будет нелегко: это первое убийство, которое ему поручили с тех пор, как он перешел под покровительство Му Куанды, да еще и с кровавым залогом, но у него уже не было других вариантов*.

* Словосочетание «клятва крови» больше похоже на «контракт», но означает действие, гарантирующее верность. Оно берет свое начало в «Речных заводах», где Линь Чона попросили убить человека и вернуть его голову, чтобы присоединиться к банде на горе Лян. Я перевожу это слово как «кровавый залог», поскольку это залог, при котором на твоих руках появляется кровь.

— А что, если он невиновен? — неожиданно спросил Дуань Лин.

На лице У Ду мелькнула тревога.

Му Куанда улыбнулся и посмотрел прямо на Дуань Лина.

Дуань Лин прекрасно знал, что это единственный вопрос, который он не должен был задавать, но он все равно его задал.

— Отлично.

Му Куанда медленно кивнул.

— Если он невиновен, вы убьете его или нет?

К его удивлению, Му Куанда с пронизательным и расчетливым взглядом вернул мяч в руки Дуань Лина.

Тот сделал глубокий вдох, собираясь ответить, но тут Му Куанда, полный самообладания, сказал ему:

— Если он невиновен, то вы можете поступить так, как считаете нужным.

— Так точно, — Дуань Лин почувствовал, как с его груди свалилась огромная тяжесть.

Му Куанда не сводил с него глаз, словно хотел заглянуть ему в самое сердце.

— Возвращайся как можно скорее, — добавил он, — экзамены будут сразу после переноса столицы. Ты не должен забрасывать учебу.

Дуань Лин вместе с У Ду поднялся, и они ушли.

На обратном пути Дуань Лин чем больше думал о встрече, тем больше ценил тщательное планирование Му Куанды, то, как он учел все возможные варианты. В конце он даже несколько раз подчеркнул, что они должны создать иллюзию того, что Бянь Линбай скончался по естественным причинам. Ведь только так императорский двор сможет назначить генерала для командования армией, расквартированной под Тунгуань, и пресечь возможность дальнейших волнений.

— Даже если он невиновен, нам все равно придется его убить, — тихо сказал У Ду.

— Я знаю. Но ты ведь не станешь этого делать? Я тоже не стану. Не так уж много генералов, способных охранять границу. Если он не пойдет против империи, то его не стоит убивать без разбора.

В конце концов он закрыл за собой дворовые ворота, а когда они вернулись в дом, У Ду произнес едва слышным шепотом:

— Я сказал это только для того, чтобы дать ему передышку. А если мы ничего не найдем, то тебе больше не придется давать эту клятву на крови. Убивая хороших и верных людей, в итоге заплатишься за это только ты сам.

Нахмутив брови, У Ду перевел взгляд на Дуань Лина, и так получилось, что Дуань Лин тоже смотрел на него. В их глазах появилось понимание, которое невозможно выразить словами.

— Поспи немного, — сказал У Ду. — Утром нам нужно будет отправляться в путь. Не думай больше об этом.

Дуань Лин лег на свою подстилку, но тут У Ду сказал ему:

— Иди спать на мою кровать. Дождь идет уже несколько дней. Пол слишком сырой.

Дуань Лин не стал проявлять вежливость и просто забрался на кровать, чтобы поспать, а У Ду сел перед столом и при тусклом свете фонаря стал рассматривать карту сокровищ.

В середине ночи Дуань Лин как-то раз проснулся и спросил у У Ду:

— Ты еще не собираешься спать?

Тот что-то буркнул в ответ. Он держал карту сокровищ зажатой между двумя пальцами и, поворачивая шелковый гобелен взад-вперед, рассматривал ее при свете лампы. Прошло немало времени, прежде чем он в одежде лег на кровать рядом с Дуань Лином и забрался под одно одеяло.

Дуань Лин во сне что-то бормотал. Перевернувшись, он закинул ногу на талию У Ду, обхватил его руками, подсознательно прислонился к нему и положил голову ему на руку, обнимая почти всем телом.

У Ду оказался в растерянности: он не мог оттолкнуть юношу, и было бы еще более странно прижаться к нему. Объятия молодого человека вызвали у него необычные ощущения, и он сразу же застыл.

На рассвете Лан Цзюнься в повседневном халате чайного цвета поспешно покинул дворец и, как и подобает простолюдину, вышел на людные улицы.

Лан Цзюнься шел по западной улице, направляясь ко двору дома на окраине владений канцлера. Выйдя из переулка, он резко остановился и медленно отступил назад, скрываясь в тени улицы, выходящей к дому.

На улице напротив остановилась карета. Дуань Лин подремывал, пытаясь забраться в карету, и потерпел неудачу. Несколько раз ему это не удалось, пока У Ду не потерял терпение и не запихнул его в кабину, а затем отвернулся, чтобы купить завтрак. У Ду выглядел довольно свежо в новой одежде, и с чехлом для меча, пристегнутым к спине, он разговаривал с владельцем лавки с вонтонами.

— Полкэtti с креветками и еще полкэtti с фаршем, — сказал У Ду продавцу вонтонов, как вдруг его обостренный нюх что-то уловил. Он повернул голову, нахмутив брови.

Лан Цзюнься отступил еще на несколько шагов, пока не скрылся из виду У Ду. Взяв вонтоны, У Ду сел в карету, но приоткрыл шторы, чтобы еще раз взглянуть на улицу.

Как только Дуань Лин проснулся сегодня утром, У Ду грубо умыл его и одел, а затем засунул в карету, где он мог продолжить сон.

— У тебя еда?

Дуань Лин проснулся, как только почувствовал запах еды, и, взяв у У Ду палочки для еды и бамбуковый сосуд, приступил к завтраку.

Но, покончив с едой, он снова опрокинулся на У Ду и уснул.

— А?

Му Цин тоже только что проснулся и, обнаружив, что Дуань Лин уже уехал, выбежал из усадьбы, чтобы погнаться за ним, но к тому времени повозка уже давно уехала.

Кучер вез карету из города с ними двумя на борту, и лошади скакали по дороге на закате лета, переходящего в осень. По обеим сторонам шелестела пышная зеленая листва, а лесной купол отбрасывал колышущиеся тени на салон. Воздух был приятно прохладным, поэтому У Ду откинул шторку кабины и, поставив одну ногу на низкий табурет, с властной развязностью откинулся на спинку сиденья, облокотившись о стены. Дуань Лин прилег на лавку боком, положив голову на бедро У Ду.

Вокруг них непрерывно стрекотали цикады; Дуань Лин перевернулся, солнце осветило его лицо, и он проснулся.

Открыв глаза, он увидел, как солнечные лучи заливают половину тела У Ду, а зелень за окном рассеивает пятна света по его затененной половине подобно метеоритному дождю, пролетающему мимо с шелестом листвы. У Ду глубоко задумался, и когда он не говорил, в его взгляде чувствовалось неясное раздражение, как будто все, что он видел, его оскорбляло, и словно он всех презирал.

— Ты проснулся? — спросил У Ду.

Дуань Лин зевнул, сел и подполз к окну, чтобы посмотреть на улицу.

— Ух ты! — воскликнул Дуань Лин, глядя на пейзаж за окном.

— Не стоит так сильно радоваться.

Возможность отправиться в такое увлекательное путешествие, как это, впечатляла его не меньше. Дуань Лин полулежал левым боком на У Ду, чтобы смотреть в окно. В кабине было тесновато, и, поскольку У Ду не осмеливался сильно двигаться, все, что он мог делать, это слегка придерживать Дуань Лина, чтобы тот не упал. В прошлый раз он добирался до Сычуани через Цзянчжоу и Цзяньмэньгуань, поэтому никогда раньше не ездил по этой дороге, ведущей в Ханьчжун*; пейзажи на этом пути сильно отличались от тех, что он видел раньше.

* Ханьчжун означает «Центральная Хань», то есть столичный район во времена династии Хань. Он находится примерно на северо-востоке от Сычуани и служит его естественной границей.

Неподвижно лежал пруд, не поднимая ряби, а дальше, казалось, на тысячу ли простирались зеленеющие пшеничные поля. В центре возвышалось вековое дерево, а небо над ним было

таким чистым, будто его только что вымыли, и с него доносилось пение цикад. Небосвод казался настолько низким, что можно потрогать руками, как будто он был расположен вблизи верхушки дерева.

Кучер остановился, чтобы пообедать, и Дуань Лин вышел посидеть под деревом с У Ду. Только сейчас он по-настоящему осознал, как прекрасны и величественны просторы центральных равнин, о которых когда-то говорил его отец.

А вот У Ду, похоже, был охвачен невыразимой меланхолией, когда смотрел на грязь под деревом. Он раскопал ее пальцами, а затем снова сгреб в кучу.

— Там что-то есть? — Дуань Лин с любопытством наблюдал за ним.

— Кожа цикады*.

* Кожица цикад — один из ингредиентов в традиционной китайской медицине. Согласно китайским сайтам, она снижает жар и благотворно влияет на горло. Позволяет вывести токсины из кожи и снимает зуд, снимает спазмы и судороги, связанные с жаром. В общем, прямо от всех недугов.

У Ду нашел несколько панцирей цикад и завернул их в бумагу. С дороги кучер прокричал им «а, а!», и они встали, чтобы снова отправиться в путь. Перед самым отъездом У Ду снова развернул голову и некоторое время просто неподвижно смотрел на дерево. Дуань Лин чувствовал, что это место, похоже, имело для него какое-то особое значение.

— Что это за место? — спросил Дуань Лин.

— Ничего особенного. Пойдем.

Дуань Лину всегда было интересно узнать о прошлом У Ду, но он редко заводил об этом разговор, как будто ему было бы унижительно рассказывать слишком подробно.

— Эй, У Ду, — Дуань Лин держал между пальцами стебель лисьего проса, перебирал его в руках и как будто что-то полупшепотом бормотал про себя.

У Ду вопросительно посмотрел на него.

Они вдвоем сидели в карете, понемногу удаляясь от дерева.

— Тебе знакомо то дерево, под которым мы сидели? Там раньше кто-то умер.

У Ду молча смотрел на Дуань Лина, затем нахмурился и спросил:

— Откуда ты это знаешь?

— Под корнями пятна крови. Они не очень старые. Вероятно, это произошло меньше года назад.

У Ду не мог не поразиться, услышав его слова.

— Ты очень смысленный, — высказал свои мысли У Ду.

Дуань Лин на мгновение задумался: он догадывался, что причина, по которой У Ду ненадолго остановился под этим деревом, заключается в том, что оно имеет для него особое значение, а значит, тот, кто там умер, скорее всего, был его другом. Дуань Лин колебался, стоит ли ему сказать У Ду что-нибудь в утешение, а заодно и попытаться узнать его получше. Всякий раз, когда он находился рядом с У Ду, он вспоминал, что раньше совсем ничего не знал о Лан Цзюнься — возможно, это и было источником всех предательств.

Мог ли тот, кто умер там... быть Чжао Куем? Если исходить только из временной шкалы, то, скорее всего, так оно и есть. В голове Дуань Лина возникли образы Чжао Куя, которого преследовал отец, пока они не добрались до этого места, а затем он умер под этим деревом. У Ду не осталось другого выхода, кроме как опустить меч и поклясться в верности отцу.

Ему очень хотелось расспросить его еще о чем-нибудь, но, скорее всего, это вызовет подозрения; ведь тогда он покажется слишком умным.

И все же, без вопросов, У Ду решил рассказать ему все сам.

— Это был генерал Чжао.

Теперь Дуань Лину все стало ясно, но он приложил палец к губам в знак молчания, указывая, что снаружи кучер, а у стен есть уши, так что им не стоит много говорить. У Ду отмахнулся от этой идеи, давая понять, что все в порядке, и закинул руку на плечи Дуань Лина. Он, как и прежде, прислонился к У Ду, предаваясь размышлениям.

От У Ду приятно пахло, словно свежую траву втерли в здоровую мужскую кожу. У Ду никогда не заботился о своем внешнем виде, но это давало Дуань Лину ощущение близости; он вел себя раскованно и непринужденно, как главарь какой-нибудь уличной банды.

— Ты не заметил, что кучер глухой? — обратился У Ду к Дуань Лину.

И только тогда Дуань Лин понял, что их кучер — глухонемой. Если подумать, то, конечно, так

оно и есть, ведь именно Му Куанда заказал карету. Глухонемой кучер не слышит и не может говорить, а значит, его нельзя взять в заложники и пытаться, чтобы заполучить информацию.

— Генерал Чжао был добр к тебе?

— Он был неплох. На самом деле, он был не особо высокого мнения обо мне.

— Почему?

— О, это давняя история.

У Ду был ничуть не обеспокоен:

— У меня есть шицзе, ее зовут Сюн Чунь. Мы с ней знаем, как играть песню «Радость встречи». Это жена нашего учителя научила нас играть ее. У жены учителя когда-то был бывший любовник — это генерал Чжао.

— Что случилось с вашим учителем?

— Он давно умер.

У Ду нахмурился, когда говорил об этом.

— Он изготавливал какой-то эликсир бессмертия, доверившись странной формуле, которую получил неизвестно откуда. В ней была ртуть. Он напился до путешествия в один конец на небеса.

Дуань Лину очень хотелось рассмеяться, но он не решился сделать это вслух из уважения к У Ду.

— Позапрошлый император — в смысле, отец Его Величества, император в отставке, который скончался в прошлом году. Он тоже верил во все эти вещи. Проводил все дни во дворце, готовя и выпивая эликсиры, изучая Дао и пытаясь стать бессмертным.

Дуань Лин подумал про себя, это мой дедушка, но я никогда не встречался с ним и не имею о нем особого представления, так что можешь говорить все, что хочешь.

— Почему ты работал на генерала Чжао?

— Потому что жена моего учителя умерла. Кидани вторглись и с боями пробились через Великую стену, поэтому мы с Сюн Чунь разделились. Чжао Куй предложил мне работать на

него, а Сюнь Чунь отправилась в Шанцзин, чтобы отомстить. Я даже не знаю, жива ли она еще.

Дуань Лин помнил Сюнь Чунь, но не решился рассказать об этом У Ду. Многие из того, что произошло тогда, он еще не осмыслил.

— Эта татуировка тоже из вашей секты боевых искусств?

Дуань Лин приподнялся на коленях и уставился на татуировку на шее У Ду. Он слегка повернул голову и взглянул на него, и тогда Дуань Лин потянулся к его воротнику, оттягивая его вниз, чтобы получше рассмотреть. Но У Ду начал краснеть и неловко поправлять воротник, даже не глядя на Дуань Лина, указывая пальцем на сиденье, чтобы тот понял, что ему следует сесть подобающе и перестать ерзать на месте.

— Да, — рассеянно ответил У Ду.

— Как она называется?

— Почему у тебя так много вопросов? — раздраженно спросил У Ду.

— Давай, удовлетвори мою жажду знаний. Тот, кто постигает Дао на рассвете, может без сожаления умереть на закате*.

* Из Конфуция. Хотя на самом деле это означает «стремление к пути благожелательности — это то, за что стоит умереть». Дао здесь — это как ответ на главный вопрос обо всем в мире.

— Зал Белого Тигра.

— Никогда о нем не слышал.

У Ду молча уставился на Дуань Лина.

Дуань Лин сразу же сменил тон на ласковый:

— Это я невежественный и малообразованный. Поэтому я прошу вашего наставления, господин У.

— Ты знаешь, что такое Чжэньшаньхэ? Наверное, нет.

Раз похвалил тебя, и вот ты умничаешь, — подумал Дуань Лин, — похоже, гордишься собой. Вслух он произнес:

— Это меч.

— Да, меч. И этот меч был выкован в том самом Зале Белого Тигра.

Когда империя Великая Ю была расколота, люди потеряли родину в хаосе войны, за Великую стену вторглись чужие племена, и Безымянная сабля была утеряна. Она была похищена захватчиками и перекована в несколько мечей, которые, в свою очередь, были разделены между племенами. В конце концов странствующий герой ханьского происхождения из зала Белого Тигра в Сычуани под прозвищем Ваньлифу — преследующий за тысячи ли — за три ночи убил четырех вождей племени хунну, вернул мечи, перековав их в один, и передал его потомку рода Ли, владевшему нефритовой дугой. Ваньлифу создал организацию странствующих мстителей, назвав ее «Белый Тигр». Затем он передал свои боевые искусства четырем ученикам, поручил им присягнуть обладателю Чжэньшаньхэ и велел помочь ему освободить захваченные территории Хань.

Тринадцать лет спустя была основана Великая Чэнь, и Ваньлифу тоже решил уйти на покой, так как его работа была закончена, а трое его учеников покинули организацию убийц «Белый Тигр». Несмотря на то, что они продолжают передавать свои навыки, они хранят учение Ваньлифу — каждый, кто наследует стиль, должен вытатуировать на своем теле белого тигра.

Татуировка служит как для устрашения, являясь знаком убийцы, так и указывает на свободу народных героев, которые нарушают закон боевой мощью; символизирует, что даже если мир находится в состоянии войны и жизни миллионов висят на волоске, эти убийцы, которые ставят себя выше закона и политики, скрытые в преступном мире, когда-то появятся вновь и с их личной силой, бросающей вызов небесам, вмешаются в судьбу империи.

Ваньлифу, разумеется, был чрезвычайно силен; даже его тезка — сияющий древний меч Чэньшэн Ваньлифу, одерживающий победу за тысячу ли. Помимо воспитания четырех выдающихся учеников, каждый из которых унаследовал его мастерство, он также преподавал семье Ли «Руководство по мечу царства» и «Кулак ревущего тигра».

И вот четверо учеников разошлись в разные стороны, но каждый из них унес с собой татуировку белого тигра. Боевые навыки этого поколения можно проследить до самого основателя, а что касается создателя школы У Ду, то он когда-то был самым младшим учеником Ваньлифу.

Дуань Лин слушал эти истории часами, и они поразили его больше, чем все, что он когда-либо слышал. Ведь мало кто знал эти секреты представителей преступного слоя общества, а его отец никогда не рассказывал ему никаких подробностей.

Иными словами, все четверо выдающихся убийц были потомками Белого Тигра по духу, а У Ду унаследовал самый главный навык — яд.

— Вот почему, — небрежно бросил У Ду, — жена учителя до своей кончины всегда принимала этот долг близко к сердцу. Учитель умер рано, и она нарисовала эту татуировку для меня

своими руками. Но, передавая эти традиции столько лет, некоторые ученики ушли, а другие рассеялись, в результате они практически ушли в прошлое.

— Почему? — не понял Дуань Лин. — Что за долг?

— Обязанность отравлять.

— Долг отравлять?

Дуань Лин не понимал, о чем он говорит.

— Ты не поймешь.

— Ну же, расскажи мне. Я действительно хочу знать.

Интуиция подсказывала Дуань Лину, что это очень важно. Он выжидающе смотрел на У Ду.

Тот дал себе время подумать, прежде чем сказать Дуань Лину:

— Никто не может быть лучшим в литературном искусстве, но в боевых искусствах, как говорится, это не так. Был ли кто-нибудь, кто от природы был талантлив в боевых искусствах и со временем дошел бы до того, что его мастерство стало бы совершенно непревзойденным?

— Да, — Дуань Лин кивнул.

— Я встречал только одного такого человека. Это покойный император. Конечно, он уже был императором, поэтому никто из нас не стал бы пытаться его убить. Кто же еще, кроме него?

Дуань Лин очень хотел услышать, что У Ду скажет о его отце, но тот объяснил ему с серьезным выражением лица:

— Даже если бы это был не покойный император, то это был бы кто-то другой. Подобные люди всегда найдутся. Даже четыре убийцы Белого Тигра могут породить несравненного мастера боевых искусств. Он сможет убить кого угодно и когда угодно, но его не будет связывать кодекс чести незаконного общества. Если окружить его, он сможет убежать, а в дуэли один на один ему не будет равных. Если кто-то настолько сильный и ничем не сдерживаемый станет творить зло, это приведет к большим бедам для всех.

— Что ж, это правда.

Дуань Лин признал, что чем сильнее человек, который поддается своим демонам, тем

страшнее зло, которое он может совершить.

— Вот почему, когда дело доходит до того, что человека уже нельзя наказать, отравление становится последним средством. Даже если человек не ест и не пьет, ему все равно нужно дышать. Последний долг — использовать яд, чтобы уладить все отчаянные, вышедшие из-под контроля ситуации и вернуть именную меч.

На этот раз Дуань Лин все понял.

В конце концов У Ду сказал:

— Причина, по которой три других ученика покинули организацию, а мы остались, в том, что только мы являемся полноправными учениками Белого Тигра.

Дуань Лин видел, что У Ду что-то скрывал, но ему все равно хотелось узнать больше. Он осторожно, окольными путями попытался спросить.

— Как умер генерал Чжао?

У Ду откинулся на спинку скамьи и с совершенно незаинтересованным видом посмотрел на закат.

— Он не смог свергнуть правительство и был побежден покойным императором. В итоге его убил Чан Люцзюнь.

— Тогда... что насчет покойного императора?

Дуань Лин много говорил, но только для того, чтобы задать этот вопрос.

— Все говорят, что он мертв, потому что потерпел поражение в битве.

У Ду покачал головой.

— Но я не думаю, что такого человека, как он, можно было победить. Сначала он попал в засаду, устроенную группой убийц...

Сердце Дуань Лина пронзил внезапный приступ боли.

—...Затем он был ранен убийцей Хэлань Цзе и отравлен смертельным ядом «Золотая нить»...

Дуань Лину казалось, что его сердце снова сжалось.

— Я сказал ему, что он не должен вступать в бой, но медлить было нельзя. Я отправился в глубины Алтынтага, чтобы поискать ингредиенты для противоядия в Северном храме, где настоятелем был мастер Кунмин, но когда я вернулся, было уже слишком поздно — на него напали приспешники Хэлань Цзе...

— Кто такой Хэлань Цзе?

Дуань Лин быстро задал следующий вопрос.

— Что это был за яд? И что такое «Золотая нить»?

— Золотая нить — это разновидность змеиного яда. Как и я, Хэлань Цзе — отравитель, но его методы жестоки и порочны. В чем-то он похож на Улохоу Му — они оба предали свою секту.

Дуань Лин знал, что секта мастера боевых искусств очень важна для тех, кто следует кодексу чести, и убивать своего учителя или позорить свою секту — большое табу. Кто же этот Хэлань Цзе? У Ду догадался, о чем думает Дуань Лин, и сказал:

— В конце концов, Хэлань Цзе удалось сбежать.

— Почему он хотел убить моего...

Дуань Лин был так потрясен, что чуть не сказал: «Почему он хотел убить моего отца», но, к счастью, ему удалось насильно заменить слово на «моего императора».

У Ду бросил на него взгляд, и его несколько озадачило явно вопросительное отношение Дуань Лина. Но большинство людей любят обсуждать такие важные события и использовать их в качестве валюты для сплетен за обеденным столом, так что в этом не было ничего странного.

Покачав головой, У Ду замолчал. Хотя история закончилась на полпути и Дуань Лин никогда не испытывал такого нетерпения, он не смел показаться слишком заинтересованным. Спустя некоторое время он снова обратился к У Ду с вопросом:

— Почему ты остановился?

У Ду раздраженно ответил:

— Я больше не хочу об этом говорить.

— Ну же, расскажи мне.

У Ду вдруг рассердился и, подчеркивая каждое слово, сказал:

— Я не хочу об этом говорить!

Дуань Лин потрясенно посмотрел на него. Он не ожидал, что У Ду так разозлится. В этот момент атмосфера в салоне стала напряженной, и все, что мог сделать Дуань Лин, — это прекратить расспросы. Он пересел на другую сторону скамейки, а когда вспомнил об отце, его глаза снова покраснели.

У Ду не знал, как реагировать: в голове у него все перепуталось, и он накричал на Дуань Лина, но он и представить себе не мог, что тот отреагирует так болезненно.

— О, неважно. Я сказал, что не хочу больше говорить об этом, но ты просто продолжал спрашивать.

Дуань Лин посмотрел на У Ду, и его глаза стали красными, он с трудом сдерживал слезы.

Когда дело касалось Дуань Лина, У Ду, по сути, шел на уступки. Он просто немного повысил голос, нет? Неужели все так плохо? Он так себя ведет, будто с ним плохо обращались. С одной стороны, У Ду думал, что парень просто доставляет слишком много хлопот, а с другой — чувствовал себя немного виноватым. Когда он увидел это выражение на лице Дуань Лина, ему стало не по себе, словно кошка лапой царапнула по сердцу.

— Хорошо, хорошо, я расскажу тебе.

Смирившись, У Ду закрыл глаза и сделал один медленный, долгий вдох. В его тоне слышалась нотка горечи.

— Все постоянно задавали мне этот вопрос — спрашивали, как умер покойный император. Мне приходилось объяснять это снова и снова. Когда они смотрели на меня, выражение их лиц было просто...

Теперь Дуань Лин понял: У Ду повторял эту историю слишком много раз, и когда он вернулся, его наверняка допрашивали Ли Яньцю, фальшивый наследный принц, Му Куанда... все. У каждого из них была своя цель, и они не жалели сил, чтобы проверить показания У Ду снова и снова, чтобы... Подождите секунду. Что?

Из того, что У Ду только что рассказал ему, Дуань Лин внезапно понял, что это крайне важная проблема.

— Кто все те люди, которые спрашивали тебя об этом?

С огромным усилием Дуань Лин попытался освободиться от своих эмоций.

Глаза У Ду распахнулись, и он внимательно, немного недоуменно взглянул на него. Затем он небрежно перечислил имена:

— Канцлер, Хуайинхоу, принцесса Дуаньпин, Его Величество, наследный принц и Се Ю.

— Кто такой Се Ю?

— Главнокомандующий Черных доспехов. Личная армия императора. Он предан тому, кто является императором.

— А кто такой Хуайинхоу?

— Принц. Муж принцессы Дуаньпин.

Дуань Лин быстро перестроился и спросил:

— Кто мог послать убийцу?

— Понятия не имею. После того как Хэлань Цзе предал свою секту, он забрал с собой Дуаньчэньюань, очень осторожно собрал группу убийц и покинул страну, чтобы поселиться за Великой стеной. Он просто убивал всех, за кого ему давали деньги. Но он очень боялся, что Кунмин отправится за ним, поэтому практически не общался с ханьцами. Я думал, что его раскопал канцлер Му, но единственный канал связи канцлера Му с подпольем — это Чан Люцзюнь, и, предположительно, он очень боится смерти, поэтому не отпускает его слишком далеко — не говоря уже о том, чтобы он отправился за Великую стену в погоню за тем, кто, возможно, даже не имеет с ним дел.

— Что касается Чжао Куя... — У Ду еще немного подумал и продолжил, — он тоже не мог связаться с Хэлань Цзе, так что пока мы не знаем, кто виновен в смерти покойного императора.

— А что, если это сделал канцлер Му?

— Тогда, разумеется, нам придется доставить ему проблем. Но все это время канцлер Му искал местонахождение Чжэньшаньхэ, и он уже дал мне объяснение. Я думаю, что это, скорее всего, не он. Возможно, у него и было желание убить покойного императора, но он выбрал бы для этого не то время.

— Ну, тогда из всех людей, которые неоднократно уточняли у тебя причину смерти покойного императора, один из них должен быть убийцей.

У Ду уставился на него, потеряв дар речи.

Слова Дуань Лина ударили его по разуму, как молотком по голове.

У Ду пробормотал про себя:

— Ты прав. Почему я не подумал об этом?

Зачем кому-то понадобилось допрашивать У Ду обо всем ходе событий, приведших к смерти Ли Цзяньхуна? Это делали только для того, чтобы убедиться, что ни одна часть плана не была раскрыта, или узнать, знал ли У Ду, кто послал Хэлань Цзе на убийство покойного императора? Это старая красная строка в бухгалтерской книге, которая должна быть полностью стерта. Иначе при повторном разбирательстве в ней окажется замешано еще много людей, особенно после возвращения наследного принца к императорскому двору...

— Кто бы это мог быть? — пробормотал У Ду.

Хуайинхоу, принцесса Дуаньпин, Му Куанда, Ли Яньцю, наследный принц, Се Ю...

— Скорее всего, это не Се Ю, — сказал У Ду, — если бы он хотел убить покойного императора, то мог бы убить его давным-давно. Мы можем исключить его.

— Но что, если его подкупили? Его можно причислить к чужой фракции. Например, он может быть... в одном лагере с четвертым принцем.

Даже самому Дуань Лину эта мысль казалась ужасающей. Несмотря на то, что он еще не вошел в императорский двор, Лан Цзюнься по воле судьбы пытался убить его, и в то же время один этот поступок многое изменил. Если он сейчас займет место наследного принца, то ему придется столкнуться не только с этим — каждый момент может обернуться опасностью для его жизни.

— Четвертый принц? — произнес У Ду. — Я не могу сказать, что у него на уме. Хуайинхоу тоже вариант. В конце концов...

У Ду покачал головой, он действительно не мог понять, о чем идет речь. Напротив, Му Куанда почему-то стал наименее вероятным подозреваемым.

— Чжэньшаньхэ был мечом покойного императора? — спросил Дуань Лин.

Не слишком ли он умен? Удивившись тому, что Дуань Лин сумел проанализировать и вывести столько важной информации из ограниченного количества подсказок, У Ду не мог не бросить на него взгляд.

— Что такое? — Дуань Лин был все еще погружен в раздумья.

— Ты очень умен. Но я должен напомнить тебе, что есть некоторые вещи, которые ты не должен так легкомысленно произносить перед канцлером Му.

— В-Верно.

Дуань Лин понял, что сказал слишком много У Ду; хорошо, что это не вызвало у него подозрений.

— Осталось только выяснить, у кого находится Чжэньшаньхэ, и мы узнаем, кто устроил заговор с целью убийства покойного императора, — сказал У Ду. — Есть еще один вариант — никто из вышеперечисленных, и Хэлань Цзе был послан ханом Хубилаем.

Добавился еще один вариант, и у Дуань Лина разболелась голова. Все, что он мог сделать, — это пока отложить проблему в сторону.

Сумерки застилали горизонт; к вечеру они добрались до постоянного двора и решили остановиться там на ночь. Всю ночь Дуань Лин ворочался, не в силах заснуть. Из двора снаружи до него доносились звуки флейты У Ду, каждая нота которой была словно пронизана меланхолией.

У Ду — человек искренний, подумал Дуань Лин; и его праздность, и его напускное высокомерие служат лишь своеобразным доказательством его искренности. Возможно, ему и в голову не приходило вступать в сговор с кем-либо в их гнусных замыслах, и все это время он оставался острым клинком, спрятанным в ножнах. После всего, что он услышал от У Ду сегодня, в голове Дуань Лина зародилась мысль: У Ду — тот, кому можно доверять.

Сегодня в Сычуани была знойная жара, как перед сильной бурей.

Цай Янь быстро прошел по извилистому коридору с недовольным выражением лица, покрытый с ног до головы липким потом. Он вошел в покои императора и поклонился Ли Яньцю. Он принимал лекарство, а на столе перед ним лежал сложенный указ.

— Как только мы перенесем столицу, все будет требовать твоего внимания, — сказал Ли Яньцю.

— Да.

Цай Янь выглядел весьма обеспокоенным.

Допив половину лекарства, Ли Яньцю обратил внимание на его выражение лица и спросил:

— А где Улохоу Му?

— Он покинул город.

— Ты плохо спал, сын мой?

Цай Янь улыбнулся, и Ли Яньцю подозвал его ближе. Он называл Цай Яня своим сыном и относился к нему как к родному; был очень ласков с ним, заставил его усесться за стол, поставленный прямо перед ним, чтобы выпить суп из ласточкиного гнезда*, и даже наблюдал за ним, пока тот пил.

* Суп из ласточкиных гнезд — одно из самых дорогих блюд китайской кухни. Для его приготовления используются гнезда саланган — птиц из семейства стрижей, обитающих в скалах на берегу Южно-Китайского моря. Эти птицы строят гнезда из морских водорослей, скрепляя их конструкцию слюной. Гнезда саланган богаты белком, йодом, фосфором, кальцием и другими полезными микроэлементами. По мнению китайцев, они придают жизненную силу.

Цай Янь хмурился так сильно, что складка между его бровями напоминала мертвый узел.

Ли Яньцю продолжил:

— Я же говорил тебе в тот день, когда ты вернулся, что Улохоу Му ни о ком не думает. Мне не по себе, когда он за тобой присматривает. Зачем он ушел на этот раз?

Цай Янь на мгновение задумался, а потом сказал:

— Он отправился домой, чтобы совершить жертвоприношение своим предкам.

Ли Яньцю вздохнул и после паузы на раздумья произнес:

— Тогда давай отправим кого-нибудь за Чжэн Янем. Твоя тетушка тоже на днях говорила об этом.

Цай Янь покачал головой и обратил внимание на сложенный на столе указ. Казалось, он собирался что-то сказать, но потом сдержался. Ли Яньцю заметил это и отослал всех вокруг.

— Цзянчжоу слишком близко к Хуайину, — Цай Янь заговорил снова, только когда все ушли. — Мне как-то не по себе от того, что я позволил Чжэн Яню войти во дворец.

Ли Яньцю ничего не ответил. Он просто кивнул.

После долгого молчания Ли Яньцю произнес:

— В конце концов тебе придется иметь дело с Яо Фу. К счастью, ты еще молод, я здесь, Яо Фу все еще нужно поддерживать отношения с Му, а Се Ю присматривает за всем. Перемещение столицы в конце года должно пройти безопасно. Маловероятно, что в ближайшие несколько лет что-то пойдет не так.

— Если твой отец был бы рядом, — мягко улыбнулся Ли Яньцю, — он наверняка сказал бы, что мы уже должны были переехать, зачем нам его бояться? Это Яо Фу должен меня бояться. В этом плане ты на него совсем не похож.

Выражение лица Цай Яня слегка помрачнело.

— Ты прав, дядя. В конце концов, мы должны действовать.

Ли Яньцю непринужденно махнул рукой.

— Тщательное обдумывание — это хорошо, но и бояться не стоит. Выучи то, что можешь выучить на данный момент. И постепенно ты будешь знать, как поступать в будущем.

Вдалеке раздавались слабые раскаты грома. Вернувшись в комнату, У Ду застал Дуань Лина лежащим на кровати с открытыми глазами, и, когда он зашел, тот смотрел на него.

— Еще не спишь? — спросил У Ду.

Дуань Лин покачал головой, собираясь встать, чтобы уступить свое место У Ду.

— Просто спи на внутренней стороне кровати. Пол грязный. Я видел, как слуга мыл его, и это ведро с водой было таким грязным, что я подумал, сколько же лет им уже мыли полы. Даже древний трухлявый колодец и то чище.

Дуань Лин засмеялся. Поскольку они ехали вдвоем, им приходилось ютиться в единственной хорошей комнате на почтовой станции; кровать, впрочем, была достаточно большой.

— К тому времени, как мы вернемся, они, возможно, уже перенесут столицу, — небрежно заметил У Ду. — Если мы хорошо поработаем здесь, Му Куанда, вероятно, выделит нам более просторный дом.

Дуань Лин все еще думал об их разговоре, состоявшемся днем ранее.

— А Се Ю в Цзянчжоу?

У Ду коротко хмыкнул в знак утвердительного ответа. Дуань Лин позволил своим мыслям блуждать, возвращаясь ко всему тому, что У Ду говорил ранее. Ему хотелось узнать еще больше, но У Ду был человеком простым, не знакомым с политическими махинациями Му Куанды и ему подобных. На заре времен власть между императором и канцлером, между местным и центральным правительством всегда была серией взаимных сдержек и противовесов, проверкой на прочность в перетягивании каната.

Великая Чэнь пережила множество военных конфликтов и, наконец, выстояла в самый опасный период, но Дуань Лин постепенно осознал, что под спокойной поверхностью восстановления существовали скрецающиеся подводные течения; одно неверное движение — и правительство полностью опрокинется, погрузившись в глубины. К северо-западу от Цзянчжоу находился Хуайин, который становится все более важным местом для Цзянбэя* с тех пор, как Ляо захватили Шанцзы, а теперь его местный владыка стал настолько могущественным, что казался достаточно сильным, чтобы выступить против императорских властей. Брачный союз принцессы Дуаньпин с Хуайинхоу Яо Фу был одним из способов привлечь его на сторону императорской семьи.

* Цзянбэй буквально означает «к северу от реки», Цзяннань — «к югу от реки». Река, о которой идет речь, — Янцзы.

Перенос столицы в такое время был равносителен противостоянию с Хуйинхоу, а также демонстрировал решимость семьи Ли вернуть себе север с центральной равниной в качестве плацдарма. На первый взгляд, Му Куанда казался тем, кто продвигает этот план из тени, но на деле окончательное решение остается за Ли Яньцю. Однако неизвестно, обладает ли фальшивый наследный принц такой доблестью и проницательностью.

— Какой из себя наследный принц? — неожиданно спросил Дуань Лин.

У Ду отвернулся, не обращая на него внимания. Дуань Лин встряхнул его, но, не получив от него ответа, вынужден был оставить эту тему. Широко раскрыв глаза, он продолжил размышлять. Если все, что у него есть, — это он сам и его четвертый дядя, будет ли он бояться? Рано или поздно им придется перенести столицу; когда он подумал об этом, его охватывало смутное чувство волнения, а не страха. Именно такое волнение испытывает человек перед лицом надвигающейся опасности...

— Почему ты всегда выглядишь так, будто еще спишь?

На следующий день, когда У Ду собирался в дорогу, он даже не мог рассердиться, заметив, что Дуань Лин снова задремал; Он засыпал сразу же, как только выходил за дверь, и так сильно хотел спать, что мог потеряться, если за ним никто не присмотрит. Сегодня то и дело моросил мелкий дождь: была уже почти осень, и по мере того, как они продвигались на север вдоль границы Сычуани, становилось все прохладнее.

К тому времени, как они добрались до реки Мин, солнце уже зашло за серые небеса, которые никак не хотели прекращать дождь. У Ду сказал Дуань Лину:

— Сейчас ты — молодой господин, а я — твой сопровождающий.

— Хорошо.

Дуань Лин кивнул и завязал пояс на своей мантии. У Ду с невероятным терпением объяснял ему, как и с кем он должен разговаривать, что говорить, как не выдать себя. Дуань Лин кивал со смиренным и самодовольным выражением лица, думая о другом.

У Ду начал понимать, что Дуань Лин действительно не обычный человек — или, говоря иначе, не такой уж и обычный, каким он его считал. Этот парень много думал, мало говорил и никогда не произносил ничего прежде, чем тщательно все обдумает. На первый взгляд он казался невнимательным, но на самом деле обладал проницательностью, подмечая детали, которые даже У Ду мог легко упустить из виду.

Из-за дождей горные тропы стали мокрыми и скользкими, а когда они выехали за пределы Сычуани, во многих местах впереди случились оползни, и у кучера не осталось другого выхода, кроме как ехать в объезд. Сегодня кучер заблудился и невнятно позвал У Ду. Ему осталось только выйти из кареты и запрыгнуть на крышу, пытаясь осмотреть местность.

— И что нам делать?

Дуань Лин хотел выйти, но У Ду жестом попросил его остаться в карете.

— Просто практикуйся... быть молодым господином, — пробормотал про себя У Ду, разворачивая карту. Вокруг была крошечная тьма, и ничего не было видно; холодные капли дождя, овеваемые ледяным ветром, кружились в воздухе вокруг них.

— Люди на постоялом дворе сказали, что это правильный путь, — произнес Дуань Лин, — мы это проверили.

— Подозреваю, что два перекрестка назад мы свернули не туда. У Ду совсем расстроился. У них был глухонемой кучер, на которого бессмысленно было кричать, поэтому можно было

пользоваться только языком жестов. Одно дело — ехать по дорогам Сычуани, но как только они въехали в Ханьчжун, то потеряли всякое чувство направления.

— Или мы можем просто вернуться назад, — сказал Дуань Лин.

— Слишком много развилок на дороге, — ответил У Ду. — Кто знает, где мы окажемся, если будем двигаться дальше? Давай лучше остановимся здесь на ночь.

Кучер отогнал карету к обочине и установил за ней палатку, а Дуань Лин сел в карету.

У Ду сказал:

— Я пойду осмотрю окрестности.

— Я тоже пойду.

Дуань Лин вышел из кареты с кинжалом, который Му Куанда дал ему для самообороны.

У Ду осмотрел его с ног до головы, немного удивляясь.

— Почему ты теперь такой храбрый?

У Ду выглядел довольно озадаченным.

Как только они покинули Сычуань и его жизни больше не угрожала опасность, его смелость, похоже, возросла вместе с расстоянием. В конце концов, никто, кроме Лан Цзюнься, не собирался убивать его без веской причины, и хотя он пренебрегал боевыми искусствами целый год, он регулярно тренировался, так что, вероятно, все еще может сражаться.

— Я... просто хочу прогуляться, — ответил Дуань Лин.

— Просто подожди здесь.

У Ду повернулся, чтобы уйти, но, подумав, почувствовал себя не совсем уверенно. Он вернулся и протянул Дуань Лину пилюлю.

— Проглоти ее.

— Что это?

Она была ужасно горькой, но У Ду выглядел нетерпеливым, поэтому Дуань Лину осталось лишь проглотить ее. В животе появилось ощущение прохлады, а затем она начала теплеть. И тут У Ду протянул ему золотую бусину.

Дуань Лин вспомнил, что золотая бусина — это сороконожка!

Он не решался взять ее и тем более не смотрел на У Ду. Он сказал:

— Бери!

Он подбросил сороконожку, и Дуань Лин словил ее, так как больше ничего не мог поделать. В любом случае, если его укусят, У Ду просто даст ему противоядие. Однако золотая бусина не вытянулась в сороконожку — она просто осталась спокойно свернутой.

— Положи ее под рубашку и держи в безопасности.

У Ду жестом указал на его грудь.

— Я пойду найду тебе воды. Скоро вернусь.

У Ду ушел, но Дуань Лин не смел убирать золотую бусину, и еще меньше ему хотелось держать ее в руках. Он положил ее рядом и долго наблюдал за ней, пока не вспомнил о пилюле, которую дал ему У Ду. Вероятно, в ней содержался реальгар* или другие подобные ему препараты, и сороконожка не укусит его, если это так. Он не знал, зачем У Ду попросил его это сделать, но все равно выполнил его приказ и аккуратно засунул бусину под рубашку.

* Люди пили вино из реальгара, чтобы отгонять злых духов, яды и насекомых, поскольку реальгар был средством от насекомых, которое посыпали на вещи, чтобы отпугивать жуков. В реальгаре содержался мышьяк, но не настолько много, чтобы от него можно было умереть.

В темноте кучер просунул ершик в свою трубку и присел под деревом, чтобы покурить. Дуань Лин отрыл кусок лепешки, спустился с повозки, отдал половину кучеру и сделал несколько беспорядочных жестов, пытаясь отблагодарить его за тяжелую работу. Поскольку они не могли общаться, каждый из них вернулся к своему занятию.

Издали донесся крик животного. Дуань Лин сразу же насторожился и открыл занавеску кареты, чтобы выглянуть наружу.

Дождь закончился, и вокруг царил безмолвие; в крошечной тьме ночи единственным источником света служил то тусклый, то яркий конец трубки кучера, рассеивающий слабый

красный свет. Дуань Лин вышел из кареты и посмотрел на конец дороги.

Дождевые тучи постепенно рассеивались, и дождь, который собирался в большие и маленькие лужи, теперь отражался в звездном небе над головой. Дуань Лин заметил, что с дерева что-то улетело, сделал несколько шагов ближе и вдруг обнаружил, что на него смотрит пара светящихся глаз, отчего он вскрикнул от удивления. Его голос далеко разнесся по тихим равнинам.

— Что случилось?! — У Ду испугался и одним прыжком оказался на дороге.

— Там была... птица.

Дуань Лин показал на дерево. Он увидел сову — в просторечии «орла с кошачьей головой». Лицо У Ду дернулось, и он, отвернувшись, снова ушел к пруду за водой.

Дуань Лин догнал его, не отставая ни на шаг. Как только ночное небо прояснилось, воздух стал чистым и свежим, что сразу же улучшило его настроение.

— Кто-то побывал в этом месте, — сказал Дуань Лин. — Посмотри туда. Может, сходить проверить?

— Когда ты вдали от дома, не стоит здороваться со всеми подряд. Не всем нравится принимать гостей.

У Ду вытер верхнюю часть тела и остался без рубашки. Держа в одной руке наплечную сумку, он шел бок о бок с Дуань Лином в одних штанах.

— Ты голоден? — спросил У Ду.

Дуань Лин только что съел кусок лепешки и протянул остатки У Ду. Он съел их с руки и сказал:

— Как только приедем в Тунгуань, я достану тебе что-нибудь получше...

Едва он закончил говорить, как вдалеке послышался лошадиный вой, словно что-то произошло; Дуань Лин и У Ду одновременно вздрогнули.

— О нет!

С громким грохотом карета начала движение. Кучер кричал во всю мощь своих легких, но его голос резко оборвался. Инстинкт самосохранения, сопровождавший Дуань Лина на

протяжении множества встреч со смертью, привел его в чувство.

— Бежим! — крикнул Дуань Лин и, увлекая за собой У Ду, метнулся к зарослям высокой травы.

— Все в повозке! — произнес У Ду.

Подумав долю секунды, он согласился с решением Дуань Лина, и они скрылись в густой траве. Как раз в этот момент в воздух взлетели стрелы, нацеленные на их укрытие. Дуань Лин увернулся, уклоняясь от стрел, и вместе с У Ду побежал к пруду.

На открытое место выехал всадник. Повсюду стояли высокие кучи соломы, и ни один из них не был защищен от нападения; у Дуань Лина при себе был только кинжал, и он уже собирался отдать его У Ду, когда он, даже не взглянув на нож, небрежно положил руку ему на плечо, давая понять, что тот должен ждать за кучей соломы. Затем он закрыл рот и нос Дуань Лина мокрой тряпкой и бросил горсть светящегося порошка, который, словно светлячки, разлетелся по траве.

Со всех сторон к ним приближались люди, кричащие что-то на непонятном языке. Дуань Лин сразу же понял, что они столкнулись с группой тангутов! Это место находилось недалеко от Силян, так что они, должно быть, достигли границы между Чэнь и Силян. Конные бандиты — привычное явление на территории тангутов, похоже, они стали мишенью!

Как только его осенило, тангуты, переодетые в конных разбойников, нацелили стрелы в середину полукруга, который они образовали, и громко закричали.

У Ду медленно поднял обе руки, показывая, что он безоружен.

— Не выходи, — сказал У Ду. — Задержи дыхание.

Дуань Лин прятался за кучей соломы. Его нисколько не беспокоили способности У Ду — ему было просто любопытно, и он хотел посмотреть, как тот с ними справится.

Разбойники подошли чуть ближе, и тогда У Ду опустил руки; все бандиты среагировали одновременно, но когда они сделали вдох и выпустили стрелы, то вместо этого начали кричать, очевидно, от острой боли в сердце, и несколько стрел полетели хаотично, совершенно без всякой силы. Некоторые из разбойников вскрикнули, вероятно, поняв, что их отравили, и группа впала в полный хаос. Тем временем У Ду прыгнул со своего места на груды соломы и небрежно протянул руку к одной из самых длинных соломинок из этой кучи.

— Не выходи!

Чтобы Дуань Лин снова не доставил ему неприятностей, он приказал еще раз. Затем, словно вихрь, он влетел в центр конных бандитов.

Между его пальцами мелькнула соломинка, и каждый случайный щелчок вызывал брызги крови из шей разбойников, только тогда остальные бандиты поняли, что с У Ду шутить не стоит. С воплями и страхом они отступили от него. В руке у У Ду была лишь половина куска соломы длиной не более двух чи, но при соприкосновении она казалась острой, словно лезвие.

Все они были сильно напуганы и с криками убежали, прижав руки к шее.

У Ду отбросил соломинку в сторону. Дуань Лин только что заметил неладное: его рот слегка приоткрылся от увиденного.

Земля была усеяна оружием, все лошади разбежались, трава была залита кровью, но... он не убил ни одного человека.

— Они все убежали? Но... Но разве ты не перерезал им горло?

— Я лишь поцарапал им шеи, чтобы немного припугнуть. У кого хватит духу продолжать сражаться, когда из шеи хлещет кровь? Конечно, они все разбегутся.

Дуань Лин потерял дар речи.

Закончив разговор, они снова посмотрели вдаль. И тут У Ду вдруг о чем-то вспомнил.

— О нет! Все наши вещи в карете!

Как только эта мысль пришла в голову У Ду, он быстро выбежал на дорогу и пустился в погоню в направлении, куда сбежали разбойники.

Когда они проходили мимо дерева, где ранее остановилась карета, Дуань Лин протянул руку, чтобы проверить пульс на сонной артерии кучера. К счастью, он еще дышал и только потерял сознание. Дуань Лин перевел возницу в сидячее положение за деревом, но У Ду уже отправился на разведку.

— Подожди... подожди секунду!

Дуань Лин, запыхавшись, побежал за У Ду, пытаясь догнать его. Через несколько шагов У Ду забрался на дерево, Дуань Лин с разбегу запрыгнул на бок одного дерева, а затем, используя его как трамплин, перепрыгнул на верхушку другого.

У Ду внимательно вглядывался в дальнюю равнину, пытаясь найти хоть какие-то следы врагов, но за то короткое время, что прошло с момента их побега до настоящего момента, бандиты уже исчезли без следа.

— Проклятье! — сказал У Ду, — все украдено.

Дуань Лин смотрел на него, не зная, что делать.

У Ду повернул голову и взглянул на него, и до него вдруг дошло, насколько это странно.

— Как ты сюда забрался? — спросил он.

Дуань Лин едва не упал, и У Ду поспешно схватил его. Надо отдать должное У Ду за то, что он вспомнил об этом именно сейчас.

— И карта, и письмо в карете, — сказал Дуань Лин.

Придется так много работать, чтобы все исправить. Дуань Лин вернулся на поляну, подобрал лук и колчан, оставленные разбойниками, и опробовал их. Тангутский лук был слишком грубо сделан и жестковат для его кожи, но в крайнем случае он мог им воспользоваться. У Ду с удивлением спросил:

— Ты и луком умеешь пользоваться?

— Я немного тренировался, — сказал Дуань Лин, а про себя подумал: если ты когда-нибудь узнаешь, у кого я учился прыгать по стенам, то, наверное, умрешь от сердечного приступа.

У Ду выглядел озабоченным, поэтому Дуань Лин придумал невнятную ложь, чтобы обмануть его.

— Как ты только что запрыгнул туда? — но У Ду все равно не сдавался и требовал от Дуань Лина подробностей.

— Я забрался туда! Почему ты должен пытаться выяснить, как я туда запрыгнул, именно сейчас? Пойдем уже искать карету!

Вдалеке мерцал свет костра, и У Ду снова поднял голову, и увидел несколько сов, летящих в северо-восточном направлении.

— Наверное, они там.

У Ду задумался, а потом сказал Дуань Лину:

— Почему бы мне сначала не отвести тебя в...

Куда он его отведет? У Ду не мог оставить Дуань Лина в глуши, к тому же с ними еще был потерявший сознание кучер, о котором нужно было заботиться. Пока они вдвоем пребывали в растерянности, издалека до них донесся чей-то крик:

— Помогите...

— Помогите!

У Ду слегка нахмурился, и их взгляды встретились. Оба не верили, что это может быть ловушка, поэтому У Ду отправился туда пешком через чащу. Они нашли мужчину средних лет, который кричал:

— Кто-нибудь, помогите! Помогите!

Дуань Лин наложил стрелу и направил ее в него, но мужчина упал на землю перед ними, тяжело дыша.

— Пощадите! Пощадите!

Человек обильно потел и был немного растерян; У Ду некоторое время наблюдал за ним и, потрянув огнивом, поджег ветку дерева и осветил ею лицо человека*.

* Огниво в уся представляет собой плотный рулон из грубой бумаги, который поджигается пламенем и хранится в закрытом (но не герметичном) бамбуковом цилиндре. В такой среде с низким содержанием кислорода пламя сгорает до углей и может служить долгое время. Когда нужно снова зажечь его, достаточно просто открыть и подуть на него или потрясти, чтобы набрать воздуха.

Что человек делает здесь, в глуши?

— Мою госпожу... похитили конные разбойники! Кто вы? Пожалуйста, сделайте доброе дело и спасите ее!

Теперь Дуань Лину все стало понятно — разбойники, должно быть, ошиблись каретой!

— А кто именно твоя госпожа?

У Ду нахмурился, оглядывая мужчину с ног до головы. Внезапно почувствовав опасность, мужчина не решился больше ничего сказать.

— Она... она... моя госпожа приехала навестить своих родственников, — оправдывался

мужчина.

— Присмотри за этим старым господином.

Дуань Лин указал на бессознательного кучера под деревом.

— Мы пойдем и найдем ее.

— Вы двое...

Дуань Лин отмахнулся от дальнейших вопросов и развернулся, чтобы уйти. У Ду произнес:

— Эй! Подожди!

— Теперь я понимаю, — сказал Дуань Лин, — засаду те бандиты рассчитывали устроить не на нас.

Теперь, когда Дуань Лин напомнил ему об этом, У Ду тоже стало все ясно.

— Это слишком большое совпадение.

Эти разбойники должны были затаиться, чтобы вот так, без предупреждения, атаковать их, поэтому они наверняка давно планировали нападение. Когда они говорили на тангутском языке, то, скорее всего, поняли, что что-то не так, раз не увидели того, кого искали, но они также подозревали, что это может быть уловка, и поэтому так настойчиво наступали на Дуань Лина и У Ду. Но зачем они забрали карету?

Столкнуться на дороге с разбойниками и в итоге спасти даму в беде — это, конечно, клише, но, похоже, это их удел. У Ду и Дуань Лин выследили разбойников по дороге и нашли следы повозки, уходящие в пшеничные поля. Уже близился рассвет, а Дуань Лин все никак не мог догнать У Ду: он все время немного отставал от него, чередуя бег с отдыхом.

Наконец У Ду не выдержал.

— Просто возвращайся!

— Я больше не смогу найти дорогу назад! — сказал Дуань Лин, задыхаясь.

У Ду посмотрел на него, потеряв дар речи.

В этих краях, кроме равнин, не было ничего, кроме гор. Когда они начали бежать, была еще ночь, а с наступлением дня весь мир практически преобразился. После двух часов бега, если он думает, что Дуань Лин сможет найти дорогу назад, он может продолжать мечтать!

У У Ду не осталось другого выбора, кроме как сбавить темп. Он оглянулся по сторонам и понял, что след от повозки закончился. Поперек пути была скалистая полоса, а перед рассветом равнину окутал густой туман, и едва ли можно было разглядеть что-то на расстоянии вытянутой руки.

— Тот, кого хотели похитить тангутские бандиты, оказался богатой девицей.

Дуань Лин подошел к ручью и прислонился к камню, чтобы немного отдохнуть.

— Они просто перепутали людей и решили, что наша повозка — их цель.

На У Ду по-прежнему не было рубашки. Их одежда осталась в карете, а на нем было лишь полотенце, которое он держал в руках, и пояс, висящий на талии. Он выпрямился и посмотрел на ручей, а издали доносился плеск воды. Дуань Лин собирался сказать что-то еще, но У Ду опустил на четвереньки и приложил ухо к земле, прислушиваясь к звукам, передающимся через землю.

— Ш-ш-ш, — сказал он Дуань Лину, чтобы тот ничего не говорил. Затем он осторожно перешел ручей вброд и повернулся, чтобы позвать Дуань Лина посмотреть.

Их повозка остановилась прямо на поляне под водопадом, а несколько разбойников стояли на страже снаружи и стонали, намазывая друг другу на шеи мазь. Чуть дальше находилась горная пещера.

Небо тускло светилось первыми лучами; горная пещера была похожа на временный лагерь, собранный в последнюю минуту: внутри висела лампа, а на полу сидели несколько человек.

— Ты сможешь вырубить их всех одним махом? — спросил Дуань Лин У Ду.

— Тех, кто снаружи, конечно. Но не тех, кто внутри пещеры. Придется дважды использовать яд. Но у меня сейчас ничего нет с собой, только этот пояс, а порошок внутри почти закончился. Его хватит только на одно применение. Что касается тех, кто остался... все, что я могу сделать, — это убить их.

— Тогда давай сначала выманим их.

За деревом Дуань Лин нарисовал на грязи грубую карту и вместе с У Ду разработал план.

— Тогда ты... возьми вещи, а остальное я доверю тебе.

Дуань Лин посмотрел на У Ду, ожидая одобрения.

Тот немного подумал, кивнул, но потом повернулся и уставился на Дуань Лина.

— Что? — спросил Дуань Лин.

— А ты смелый. Кто научил тебя всему этому?

Дуань Лин собирался начать тянуть время, но У Ду сказал ему:

— Нельзя терять время. Пойдем.

Они разошлись. Дуань Лин сделал глубокий вдох, натянул лук и сделал пробный выстрел. Он уже не так уверенно стрелял, как раньше, но и не совсем разучился. Тангутский железный лук пусть и был мощным и утомительным в использовании, но он мог стрелять из него на довольно большое расстояние.

В лесу У Ду, сложив руки на коленях, затаился в тени, пригнувшись к земле и выжидая. Он повернул голову и посмотрел на Дуань Лина.

Внутри горной пещеры тускло светила лампа; со слабым свистом стрела рассекла воздух и пролетела почти пятьдесят шагов в пещеру, а затем пронзила веревку, привязанную к лампе. Прежде чем разбойники успели среагировать, чаша масляной лампы разбилась о землю, и пламя зажгло растекающуюся жидкость, вздымая огонь по земле.

Те, кто находился внутри пещеры, тут же начали кричать, и на шум вбежали сторожи, чтобы выяснить, что происходит. Выходящие и входящие врезались друг в друга, и разбойники внутри оттолкнули охранников, бросаясь наружу. Дуань Лин быстро выпустил еще одну стрелу. Бдительный главарь разбойников уклонился, и стрела попала ему в ногу.

Поняв, что на них напали, главарь разбойников взвыл от ярости, и началась совершенно беспорядочная битва, в которой врага нигде не было видно. Все это время У Ду оставался в лесу на опушке, выжидая, и вот теперь он изящно чиркнул огнем, поджигая несколько сухих листьев с порошкообразным препаратом, из которых вышел легкий, почти невидимый голубой дымок, вьющийся по воздуху по направлению к поляне.

Бандит, идущий впереди группы, упал на землю; Дуань Лин выпустил еще стрелы, отступая назад, и наблюдал, как разбойники выбегают из пещеры и падают на землю, как только оказываются снаружи. К этому времени У Ду уже успел увернуться от повозки и запрыгнуть внутрь.

Дуань Лин недооценил количество разбойников: к его удивлению, из крошечной горной пещеры высыпало почти сорок человек. Как раз в тот момент, когда остальные обнаружили его укрытие, У Ду свистнул и с Легуанцзянем в руке, без рубашки и с чехлом для меча на спине, выскочил из задней части кареты.

Как только У Ду дал понять Дуань Лину, что взял свои вещи, он быстро развел руки в стороны, и из его пальцев вылетело множество дротиков, пригвождающих бандитов к земле.

Дуань Лин поспешно убрал лук и, прячась за кустами, приблизился к пещере под водопадом. Он увидел, как У Ду снова запрыгивает на крышу повозки и издает протяжный извилистый свист, словно бросая разбойникам вызов. Бандиты сразу же рассердились и пустили в него стрелы. Но вместо того, чтобы встретиться с ними лоб в лоб, У Ду отступил за карету, и от удара ногой вал повозки вылетел наружу — тяжелый, весом в двадцать кэtti, он сразу расплющил бегущих к нему бандитов.

Прикрыв нос и рот мокрой тряпкой, Дуань Лин вбежал в пещеру. Там оказалось довольно просторно, и еще дальше он услышал чей-то сильный кашель — кашель девушки. В лицо Дуань Лину летел черный дым, и он не мог понять, в какую сторону идти. Он схватил девушку за руку, прорезал кинжалом веревку, обвязанную вокруг нее, и потянул ее за собой.

— Беги! — Дуань Лин закрыл ее лицо мокрой тканью и так быстро, как только мог, выбежал из пещеры.

Они покинули пещеру. Меч У Ду то поднимался, то опускался, пробираясь сквозь разбойников, и вскоре он уже вырубил нескольких из них.

Дуань Лину удалось выкрасть лошадь, и он помог девушке сесть на нее.

— Поезжай вперед! — воскликнул У Ду.

Дуань Лин ушел с девушкой, подстегнул коня и, промчавшись мимо ручья, устремился вглубь леса.

— Кто ты? — спросила девушка.

Дуань Лин обернулся и спросил:

— А ты кто?!

Он натянул поводья, чтобы остановить лошадь, только когда они преодолели большое расстояние и достигли более глухой части леса. Дуань Лин оглянулся, сомневаясь, стоит ли ему возвращаться за У Ду, но раз тот сказал ему ехать первым, значит, все будет в порядке.

— Кто ты? — снова спросила девушка. — Какая у тебя фамилия? Ты ведь ханец, верно? Не тангут?

Только сейчас Дуань Лин обратил на нее внимание. Лица у обоих были черными и пятнистыми, как у пары трехцветных кошек, и, увидев ее лицо, Дуань Лин не мог удержаться от смеха. Девушка неловко посмотрела на него, не зная, что делать, когда не получила ответа.

— Дай-ка подумать, в какую сторону... — сказал Дуань Лин. — Сначала мы должны встретиться с ним.

Как только он закончил говорить, издали донесся шум, как будто кто-то приближался. Дуань Лин спросил:

— У Ду?

— У Ду? — переспросила девушка.

— Ш-ш-ш...

Чувствуя опасность, Дуань Лин полез в колчан и обнаружил что у него осталась последняя стрела. Он прицелился в глубину леса, и вдруг из него раздался крик, удививший обоих.

Сразу вслед за криком шаги постепенно стихли и исчезли.

Дуань Лин молча смотрел вдаль, гадая, что же произошло.

Он медленно опустил стрелу и понял, что это и есть настоящий вход в лагерь разбойников! Прямо на том месте, откуда ранее доносился шум, стоял часовой. Путь, по которому он шел с У Ду, находился за лагерем.

Дуань Лин развернул коня и помчался в глубь леса, пока они не перешли на другую сторону, и только когда они оказались на открытом месте, пустил лошадь в галоп по пшеничным полям. Солнце уже давно выглянуло, и на бескрайних полях он видел впереди дорогу, где небо сходилась с землей.

— Жди здесь.

Дуань Лин добрался до оговоренного места встречи под деревом, где стояла карета, и помог девушке сойти с лошади.

— Не уходи никуда.

Дуань Лин оглядел окрестности и некоторое время просто жадно глотал воздух. Он спросил девушку:

— Хочешь пить?

Сзади на него боком опустилась ладонь, и внезапный порыв ветра, вызванный этим движением, предупредил Дуань Лина об опасности. Он инстинктивно развернулся, чтобы заблокировать удар, но запястье противника казалось твердым как сталь — нет, это и была сталь! Дуань Лин едва не сломал руку и вскрикнул от боли.

Этот убийца, появившийся из ниоткуда, нанес удар без всякого предупреждения; он даже не потрудился объявить о себе и в следующее мгновение уже попытался ударить его ногой. Дуань Лин повернулся в сторону, чтобы парировать удар ногой, но убийца сделал еще одно движение, и он повалился на землю.

— Отпусти его! — вскрикнула девушка, бросаясь вперед, чтобы отстранить убийцу от Дуань Лина. Тот просто схватил ее за воротник и отбросил в сторону.

Убийца сделал шаг вперед и, опустив голову, посмотрел на Дуань Лина. Тот немного отступил.

Кто это? Дуань Лин взглянул на убийцу: один глаз был у него слепым, зрачок окрашен в мутно-серый цвет, и он следил за Дуань Лином своим единственным здоровым глазом. Дуань Лина осенило, и он испугался. Это был настоящий убийца во всех смыслах — маньяк, начисто лишенный совести.

Не успел он и глазом моргнуть, как У Ду в мгновение ока появился из пшеничных полей, да так быстро, что за ним почти что тянулся шлейф, наполняя воздух измельченными стеблями пшеницы, и его меч полетел прямо к горлу убийцы в маске! С лязгом убийца в маске заблокировал рукой Легуанцзянь У Ду.

Это повергло Дуань Лина в шок: он уже видел, как отрубается рука. Но в тот момент, когда меч встретился с рукой, раздался звук рвущейся ткани, а на месте руки убийцы появился черный железный крюк. Он обвился вокруг Легуанцзяня, и убийца потянул его за собой.

— Это ты?! — удивленно произнес У Ду, не раздумывая бросая меч. Он развернул ладонь в сторону и выбросил в сторону убийцы в маске порцию смертельного порошка, поднимая порыв ветра, который полетел на убийцу.

Дуань Лин внутренне ликовал: это движение У Ду практически невозможно было заблокировать; если решишь противостоять ему, придется сделать вдох и направить ци через ладонь навстречу, но в воздухе витал яд, так что как только ты сделаешь вдох, то будешь отравлен. Пока эта мысль мелькала в голове Дуань Лина, убийца в маске уже решил отступить. У Ду быстро повторил его последний шаг и, не глядя, выставил вперед вторую ладонь, толкая убийцу прямо в поле. Затем, почти не обращая внимания, он протянул руку и забрал

Легуанцзянь.

Убийца довольно неуклюже упал и перевернулся, чтобы встать на ноги.

— Прекратите немедленно!

Подоспели местные гвардейцы, и Дуань Лин сразу же крикнул:

— Больше не сражайся! Вернись!

У Ду стоял и смотрел на убийцу, но тот, похоже, не спешил бежать. Как только дорога неподалеку заполнилась гвардейцами, из толпы вынырнул мужчина средних лет и закричал:

— Моя госпожа! Моя госпожа!

Только тогда девушка, которую Дуань Лин спас ранее, вышла из шока от множества страшных событий, которые ей пришлось пережить, и с воплем бросилась к мужчине.

Два часа спустя.

У Ду и Дуань Лин сидели на одной лошади. Их карета пропала, они потеряли свой багаж, а У Ду, похожий на кузнеца, все еще был голым по пояс и с ножнами для меча на спине, в то время как лицо сидящего перед ним Дуань Лина было покрыто сажей от дыма. Гвардейцы шли впереди, и их колонна уверенно двигалась вперед.

— Кто это был? — спросил Дуань Лин.

У Ду наклонился к его уху и прошептал:

— Хэлань Цзе.

Дуань Лин мгновенно потерял дар речи, и У Ду добавил:

— Это тот самый человек, который отравил покойного императора. Ни в коем случае не приближайся к нему.

— Почему он хочет убить меня? — недоверчиво спросил Дуань Лин. Он только сейчас начал волноваться — он не должен умереть в руках своего заклятого врага после всех этих усилий,

направленных на то, чтобы остаться в живых.

— Без всякой причины.

У Ду тихо добавил:

— Он убьет любого, кто ему не понравился.

Когда он это говорил, едущий впереди них Хэлань Цзе повернул голову и посмотрел на Дуань Лина и У Ду. Его взгляд наполнил сердце Дуань Лина ужасом.

— Что он здесь делает? — спросил Дуань Лин.

Вдвоем на лошади они сидели очень близко друг к другу, и когда Дуань Лин повернул голову, их губы чуть не соприкоснулись.

У Ду замолчал на мгновение, а потом спросил:

— Разве ты не считаешься очень умным?

У Ду окинул взглядом окружающих и тихо произнес:

— Угадай?

Сердце Дуань Лина сжалось, как спутанный клубок: убийца его отца был совсем рядом, но он ничего не мог с ним поделать. Он даже не мог сказать У Ду, кто он на самом деле, и его разум на мгновение погрузился в такое смятение, что он не мог сосредоточиться.

— Что случилось? — с любопытством спросил У Ду.

Дуань Лин потряс головой, пытаясь прояснить ситуацию, и начал разбираться в запутанной паутине всего произошедшего.

— Теперь я понимаю, — пробормотал Дуань Лин. — Он работает на Бянь Линбая. Тот попросил его поискать местонахождение той девушки.

— Верно, — тон У Ду стал холодным.

— Эта заложница направлялась в Тунгуань, предположительно, чтобы увидеться с Бянь Линбаем, но на полпути ее похитили конные бандиты, поэтому Бянь Линбай и отправил Хэлань

Цзе сюда для расследования. Что касается того, кто она такая, в этом я не уверен.

Дуань Лин кивнул. Значит, их ограбили только потому, что разбойники ошиблись в том, кто они такие.

Когда они добрались до перекрестка, Дуань Лин заметил карету, и ему все стало ясно: ее карета — точная копия его собственной. Разбойники, видимо, приняли повозку Дуань Лина за свою цель, и им, растерянным и неспособным выполнить свою миссию, не оставалось ничего другого, кроме как утащить карету с собой. На обратном пути они случайно наткнулись на свою настоящую цель и забрали ее с собой. Единственным, кому удалось спастись, был мужчина средних лет, похоже, управляющий, и он отправился на поиски помощи по дороге.

Как оказалось, предположения Дуань Лина были совсем не далеки от истины: капитан тунгуаньской гвардии ждал ее в домике на посту прямо впереди. Похоже, они шли не в ту сторону с того самого поста, который был перед этим, поскольку их направили к границе между Силян и Чэнь. Перейдя через тот самый ручей, они оказались на территории Силян.

После того как они выехали, мужчина средних лет взял с собой кучера и отправился звать на помощь на ближайшую почтовую станцию. Оказалось, что в Тунгуань тоже ждали прибытия этой девушки, поэтому, когда две стороны случайно встретились, они пришли на помощь так быстро, как только могли.

Их кучер не получил серьезных ранений и отдыхал в деревянном сарае за почтовой станцией. Дуань Лин проверил его пульс и счел, что его жизни ничего не угрожает.

Конные разбойники опустошали окрестности круглый год, и они уже давно досаждали жителям. Тунгуаньская гвардия уже пыталась остановить их, но в этот раз их гостью все равно похитили, поэтому теперь они расхаживали по округе, выражая сочувствие каждому из них по очереди.

— Не волнуйтесь, моя госпожа, — сказал девушке гвардеец из Тунгуань. — Отныне вам больше ничего не угрожает.

Барышня все еще скорбела по своей служанке и слугам, которые ехали вместе с ней, и у нее не было аппетита. Она кивнула, и капитан подошел к У Ду и Дуань Лину.

— Эй, — произнес капитан, — кто вы такие?

— Мы просто проходим мимо, — сказал У Ду, — не зли меня.

Как только эти слова покинули его рот, все вокруг достали оружие. Дуань Лин лежал и спал за спиной У Ду, но, испугавшись звука оружия, резко встал. У Ду просто потянулся за ним и положил руку на плечо Дуань Лина, заставляя его медленно лечь обратно.

— Даже ваш господин Хэлань потерпел поражение от моей руки. Если это все, на что вы способны, как долго, по-вашему, вы продержитесь против меня?

Один из стражников похлопал своего капитана по руке и что-то тихо пробормотал. Дуань Лин лег позади У Ду, а он сел, скрестив ноги, и пил чай, совершенно невозмутимый. Он протянул бумажку.

— Пусть кто-нибудь покажет это генералу Бяню и скажет, чтобы он подготовился.

Капитан немного понаблюдал за У Ду и, забрав записку, вышел из почтовой станции, прихватив с собой своих людей.

Посетители почтовой станции разделились на три отдельные группы. Тунгуаньская стража и убийца Хэлань Цзе собрались в одном месте. На левой руке у Хэлань Цзе была перчатка, а на правой — крюк, и он постоянно следил за каждым движением У Ду. Девушка, ставшая заложницей, сидела сейчас в другом конце комнаты и плакала, а мужчина средних лет тихим голосом говорил ей что-то, пытаясь утешить.

У Ду и Дуань Лин стали третьей силой на почтовой станции. Бессонная ночь сделала Дуань Лина таким вялым, что он едва мог держать глаза открытыми, и после короткого сна У Ду снова разбудил его, говоря, чтобы он поел.

— А ты?

— Я уже поел.

И вот Дуань Лин сел есть, а У Ду оставался рядом и чистил его сапоги, как терпеливый старший брат.

Когда молодая особа успокоилась, она уставилась на них с другого конца комнаты. Вскоре пришел управляющий, чтобы поблагодарить их обоих, и пригласил Дуань Лина поговорить с ней, но У Ду сказал ему:

— Мой молодой господин сейчас не в настроении. Поговорим, когда приедем в Тунгуань.

Управляющему осталось лишь передать его ответ. Дуань Лин не торопился есть, и при мысли о том, что убийца его отца сидит прямо напротив него, ярость, проникающая в его кровь, сразу же разгорелась с новой силой. Пока он жевал пирожные, ему пришла в голову мысль, что если бы не этот парень по имени Хэлань Цзе, он никогда бы не оказался в том плачевном положении, в котором находился сейчас. Воспоминания о прошлом и настоящем переплелись и наложились друг на друга, приводя его в еще большую ярость.

У Ду! Убей его! Это единственное, что Дуань Лин хотел сказать больше всего.

Конечно, он никак не мог приказать У Ду убить Хэлань Цзе. Он не мог сделать это сейчас, и в будущем, если он вновь станет наследным принцем, этот факт останется неизменным.

Ведь У Ду — не орудие убийства, которому можно приказывать.

— В чем дело? — спросил У Ду.

Дуань Лин взял себя в руки: он начал замечать, что, когда он чувствовал себя не в своей тарелке, У Ду почему-то всегда это замечал.

— Я... плохо спал. Он все время следил за нами.

— Он уже безнадежен. Покойный император отрубил ему четыре пальца в Шанцзине. Не знаю, как ему удалось умудриться остаться и без правой руки, но это значит, что он больше никогда не сможет пользоваться мечом.

— Должно быть, он все еще хочет меня убить, — Дуань Лин понял это.

— О, твой господин У тоже хочет его убить, — холодно сказал У Ду, — тебе не нужно его бояться.

Если он прикрепит меч ко пню, то, наверное, сумеет им пользоваться, подумал Дуань Лин, но тогда он не сможет использовать запястье для таких приемов, как переворот, кручение, щелчок, сальто или захват; его боевое искусство неизбежно потерпит сокрушительное поражение, и он потеряет возможность когда-либо еще бороться за превосходство.

В ту ночь У Ду попросил почтальона поставить ширму, и они вдвоем легли за ней. Дуань Лин вспомнил слова мастера Кунмина; младший ученик, предавший его секту и забравший Дуаньчэньюань, должно быть, был Хэлань Цзе.

Эти слова и поступки были настолько далеко в прошлом, что казались воспоминаниями из прошлой жизни, и это вызвало у Дуань Лина странное чувство, как будто они не реальны. Он вспомнил, как Лан Цзюнься поступил точно так же, как Хэлань Цзе, и однажды предал свою секту. Дуань Лин задался вопросом, почему он так ненавидит Хэлань Цзе, что хотел бы разрезать его на куски, а к Лан Цзюнься испытывает в основном душевную боль от того, что его предали.

— Как ты собираешься с ним справиться? — спросил Дуань Лин.

— Сейчас я ничего не могу с ним сделать, — У Ду повернулся на бок и едва уловимым шепотом

произнес рядом с ухом Дуань Лина, — Сначала мы должны подтвердить, кем он приходится Бянь Линбаю.

— Он, должно быть, подчиненный, — тихо произнес Дуань Лин.

— Без сомнения.

— Да.

Дуань Лин выжидающе смотрел на У Ду. Впервые он услышал что-то об убийстве из уст самого У Ду.

— Ты хочешь пощадить его жизнь? — спросил Дуань Лин.

— Что? — У Ду, похоже, был озадачен, — за что мне щадить его жизнь? Когда мы закончим здесь и нам придется уходить, разумеется, мне нужно будет его убить. Почему ты об этом спрашиваешь?

Дуань Лин едва не прослезился — ему так и хотелось обнять У Ду и расцеловать его. У Ду, в свою очередь, заметил, что с Дуань Лином снова что-то не так. Дуань Лин понял, что когда У Ду действительно хочет кого-то убить, он не колеблется, и в его глазах этот Хэлань Цзе уже как бы мертв. Единственная причина, по которой он еще жив, — они пока не могут встревожить Бянь Линбая.

На следующий день к почтовой станции прибыло все больше людей, и на рассвете, еще не успев продрать глаза, Дуань Лин уже слышал стук копыт. Гвардейцы Тунгуань были хорошо дисциплинированы, их строй был аккуратен и ровен. С закрытыми глазами Дуань Лин молча считал: пять, десять, пятнадцать, двадцать... прибыло около сотни человек.

Один из старших офицеров тунгуаньской гвардии первым вышел на улицу, а вслед за ним покинул дом и Хэлань Цзе. Не успел Дуань Лин оглянуться, как все уже ушли.

— Если не спишь, то вставай, — сказал У Ду.

Дуань Лину пришлось сесть, и, оглядевшись по сторонам, он понял, что вокруг никого нет.

— Они все ушли?

— Они все снаружи. Сиди за ширмой и пока не выходи.

— Никогда не думал, что у тебя хватит на это смелости, — говорил голос. — Подумать только,

ты проделал весь этот путь в Тунгуань.

У Ду усмехнулся:

— Бянь Линбай, я же просил тебя хорошенько вымыть шею. Ты выполнил мою просьбу?*

* Если непонятно, то подразумевается «вымой свою шею, чтобы она не испачкала мой клинок, когда я буду отрезать тебе голову».

Военный офицер, которому на вид было около тридцати лет, зашел в комнату и остановился перед дверью, слегка расставив ноги, а за ним быстро вошли тунгуаньские гвардейцы и заняли позиции вокруг комнаты, каждый из них поднял арбалет в сторону У Ду.

Тем временем перед ширмой У Ду сидел на корточках на кушетке и зевал, с нетерпением наблюдая за Бянь Линбаем.

— Если бы я действительно хотел тебя убить, — сказал У Ду, — я бы подождал у двери и заколол тебя прямо там. Ты был бы мертв, как только ступил бы в эту дверь — как будто я когда-нибудь дал бы тебе шанс привести своих людей. Даже не удосужился заглянуть за дверь, когда вошел, ну и ну, ты тупой, как собака. Слишком долго пробыл в Тунгуань, и вот каким медлительным ты стал.

— Почему ты... — Бянь Линбай был в ярости.

Дуань Лин, слушающий из-за ширмы, находил все это очень забавным.

— Зачем ты сюда пришел?! — холодно сказал Бянь Линбай.

— Я привел кое-кого, чтобы увидеться с тобой.

У Ду невозмутимо встал.

— Но раз уж ты так хочешь направить на меня стрелы, мы уходим.

— Подожди.

Бянь Линбай дал знак своим подчиненным опустить арбалеты.

Тон У Ду стал ледяным.

— Одно дело, ты даже не поблагодарил меня, когда я спас кое-кого для тебя, но, Бянь Линбай, неужели ты думаешь, что никто в мире не сможет удержать тебя под своим началом?

Бянь Линбай выглядел совершенно взбешенным, но не решался возразить У Ду; в конце концов, У Ду был правой рукой Чжао Куя, а как близкий доверенный генерала Чжао, он был посвящен во многие секретные дела пограничных войск. Бянь Линбаю оставалось только усмехаться.

— Если у тебя хватит смелости, то давай, поезжай в Тунгуань.

Бянь Линбай покинул комнату. У Ду вывел Дуань Лина наружу, только когда тот ушел, и, осмотрев карету, позволил тунгуаньскому гвардейцу вести ее, а сам сел внутрь вместе с Дуань Лином, и они поехали в Тунгуань.

<http://bllate.org/book/15657/1400648>